

Игорь Власов

ОПЕРАЦИЯ ПАЛОМНИК

«ЗАПРЕТНЫЙ МИР»

Запретный Мир

Игорь Власов

Операция Паломник

«Accent Graphics communications»

2017

Власов И. Г.

Операция Паломник / И. Г. Власов — «Accent Graphics communications», 2017 — (Запретный Мир)

Действие романа разворачивается на планете Паломник в звездной системе Саваж, за пятьдесят лет до событий на Терриусе. Земляне обнаруживают странную планету, на которой кто-то "забыл" артефакты, представляющие собой пирамиды неизвестного предназначения. Молодой оперативник Джон Ролз отправляется на Паломник с секретным заданием. Его миссия выяснить, не несут ли опасности инопланетные сооружения для жизни трехсот пятидесяти колонистов. Задание кажется простым и привычным, но все меняется когда в назначенное время колонисты не выходят на связь.

© Власов И. Г., 2017

© Accent Graphics
communications, 2017

Содержание

Начало	5
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Игорь Власов

Операция «Паломник»

Начало

Джон Ролз.

Возраст: тридцать земных лет.

Должность: Начальник отдела Чрезвычайных Происшествий при Комитете по Контролю над деятельностью Внеземелья.

Дислокация: Сектор Z-1.

Точные координаты: Совершенно секретно.

Серийный номер челнока: Совершенно секретно.

Среднеземное время: 15–10

Джон сидел за большим столом, мрачно глядя в серебристое зеркало отключенного экрана БВИ¹. Сегодня ему стукнуло ровно тридцать, и это событие еще больше вгоняло его в жуткую меланхолию. Он вздохнул, потер ладонью лицо и попытался широко улыбнуться своему отражению. Улыбка получилась кривой, неискренней и вымученной. Джон с отвращением крутанулся в кресле на сто восемьдесят градусов и уставился в противоположную стену каюты.

– И зачем я только послушался О'Хару? – наверно уже в тысячный раз задал он себе этот вопрос. Джон прикрыл глаза, чтобы не видеть псевдоиллюминатор каюты, за которым багровел шри-ланкийский псевдозакат. Он сам программировал искин челнока на смену дня и ночи, но за те три месяца, проведенного на дрейфующем в межзвездном пространстве корабле, не имеющем, ни названия, ни серийного номера, раздражала уже любая мелочь.

«Зря ушел из Института Экспериментальной Истории, поддавшись уговорам Патрика. Работал бы сейчас с Ромкой Соболевым и другими ребятами на Земле Обетованной. Подтягивал бы местных аборигенов в лоно цивилизации, так сказать! – Джон отбросил ногой слишком уж назойливого киберуборщика, все норовившего смахнуть несуществующую грязь с его летного комбинезона. – Но нет! Повелся на должность руководителя отдела ЧП Комитета по Контролю, – Джон хоть и находился сейчас во взвинченном состоянии, но в глубине души, все-таки отдавал себе отчет, что дело было конечно совсем не в должности. А в том ареоле таинственности и... даже некой элитарности, которым было окружено это подразделение. Ну, никак он не предполагал, что вместе с должностью получит самую обычную кабинетно-рутинную, и по большей части аналитическую работу. Ну, какой к черту из него аналитик? Вот Патрик – это да – аналитик от бога! Не зря его в отряде все звали Голова».

Джон Роуз был спецом, или супером, как обыватели в обиходе называли прогрессоров. Дома, на Земле, к ним относились с опасливым восторгом, с восторженной опаской, а сплошь и рядом – с несколько брезгливой настороженностью. И тут ничего не поделаешь. Приходится терпеть – и нам, и им. Потому что, либо прогрессоры, либо нечего Земле соваться во внеземные дела...

В этом не было ничего удивительного: подавляющее большинство землян органически не способно понять, что бывают ситуации, когда компромисс исключен. Либо они тебя, либо ты их, и некогда разбираться, кто в своем праве. Для нормального землянина это звучит дико, и Джон это прекрасно понимал, он ведь и сам был таким, пока не попал на Землю Обетованную. Он прекрасно помнил это видение мира, когда любой носитель разума априорно воспринима-

¹ БВИ – Большой Всемирный Информаторий.

ется как существо, этически равное тебе, когда невозможна сама постановка вопроса, хуже он тебя или лучше, даже если его этика и мораль отличаются от твоей...

И тут мало теоретической подготовки, недостаточно модельного психокондиционирования – надо самому пройти через сумерки морали, увидеть кое-что собственными глазами, как следует опалить собственную шкуру и накопить не один десяток тошных воспоминаний, чтобы понять, наконец, и даже не просто понять, а вплавить в мировоззрение эту некогда тривиальнейшую мысль: да, существуют на свете носители разума, которые гораздо, значительно хуже тебя, каким бы ты ни был... И вот только тогда ты обретаешь способность делить на чужих и своих, принимать мгновенные решения в острых ситуациях и обучаешься смелости сначала действовать, а уж потом разбираться.

Однако мало кто знал, да и кроме сугубо узких специалистов это по большому счету никого и не интересовало, что прогрессор – это прежде всего – психолог. Здесь тебе нужно быть разведчиком, шпионом, лицедеем, тебе нужно быть хитрецом, тебе нужно уметь втираться в доверие. У тебя должно быть, как у хорошего актера, чувство партнера, чтобы с первых минут собеседник проникся к тебе доверием и симпатией, чтобы ты мог смотреть на мир его глазами, чтобы ты разговаривал с ним в унисон; чтобы ты вдруг начал пытаться его перебивать, на самом деле поддакивая – ну, вроде возражаешь – а он отмахивается, чтобы ты ему не мешал, и говорит именно то, что ты хотел из него вытянуть.

Джону нравилась оперативная работа на малоразвитых планетах, когда требовалось быстро принимать решения и действовать согласно обстановке. Помимо прекрасной физической подготовки, он был мастером преобразования и чувствовал себя как рыба в воде в любой социальной группе местных гуманоидов. Он с такой же легкостью мог ночь напролет кутить с вечно пьяными штурмовиками повстанческой армии Седого Кука, танцевать с молоденькими герцогинями на званом балу при дворе его Святейшества Великого, Отца всех народов Поднебесной, или вести долгие научные споры с братьями ордена Истинной Веры. И никто из этих непримиримых врагов ни разу не усомнился в его преданности и принадлежности к их кругу. А это дорогого стоит.

В животе заурчало. Чувство легкого голода отвлекло от размышлений.

Джон быстро пробежал пальцами по панели молекулярного синтезатора пищи. Справа от пульта тихо звякнуло. Заслонка с легким шорохом отползла в сторону, и Джон извлек из озаренного багровой подсветкой чрева окна доставки запотевший стакан земляничного морса.

Хотелось пить. Сейчас он многое бы отдал за холодную банку светлого пива, или, на худой конец, колы, но искин челнока все эти месяцы с маниакальным упорством потчевал его разнообразными и высоко витаминизированными напитками.

Джон сделал три добрых глотка, почувствовал, как заломило от холода зубы.

Патрик О'Хара был всего на десять лет старше Джона, но уже успел сделать блестящую карьеру, и не где-нибудь, а в КОМКОНе! Комитет по Контролю над деятельностью Внеземелья хоть и входил в структуру Галактической Службы Безопасности, но являлся при этом обособленным подразделением, подчиняющемся напрямую только Мировому Совету. За довольно короткое время О'Хара умудрился дослужиться до руководителя Сектора и вот тогда, видать, вспомнил о своем старом друге.

Джон откинулся в кресле и попытался расслабиться. Он под началом Патрика заканчивал летную учебку, затем была Военно-Космическая Академия. Потом школа Прогрессоров. И именно их спецгруппа была первой, кому удалось внедриться в высшее руководство штаба повстанческой армии Седого Кука на богом забытой планете в окрестностях желтого карлика Таурус I333н. И опять же под началом О'Хара. Потом Джона откомандировали на Землю Обетованную, и их дороги на время разошлись.

– Вот это была жизнь! – Джон не заметил, как невольно улыбнулся промелькнувшим воспоминаниям.

Земля Обетованная была открыта не так давно, лет двадцать назад, но вся история началась гораздо раньше, с экспедиции «Громовержца»². История, надолго определившая отношение в внеземным цивилизациям, чье развитие отставало на целые тысячелетия.

Звонко тренькнул вызов спецсвязи. От неожиданности Джон невольно вздрогнул, быстро развернулся к пультам, чуть не выпав при этом из кресла.

– Черт побери! – занимая нормальное положение в кресле, выругался он на староанглийском. Зеленый огонек спецсвязи горел ровным светом и только сейчас Джон осознал, что это ему не почудилось. – Совсем я тут одичал – проворчал он, непроизвольно потирая трехдневную щетину.

– Джон Ролз, – металлический голос искина неприятно резанул барабанные перепонки, – декодирую входящий сигнал, – после секундной паузы. – Спецсвязь по прямому лучу.

– О, как! – не удержался от удивленного возгласа Джон. Минута прямой связи на таком расстоянии от Земли стоила огромных энергозатрат. Он невольно приосанился. Кого там черт несет? Вопрос был скорее риторический, так как о дислокации челнока во всей обжитой Вселенной знал только один человек – его друг и непосредственный начальник Патрик О’Хара.

Радужный столб возник посреди каюты. Медленно сжался, обретая очертания человеческой фигуры.

– Привет, Вепрь! – Патрик О’Хара улыбнулся и махнул рукой начавшему было подниматься из кресла Джону. – Давай, без церемоний, – он еще раз улыбнулся, чем совсем настоужил Джона. – Где тут можно у тебя расположиться?

Изображение Патрика оглянулось и сделало несколько шагов, неестественно резких, – компьютер коммуникатора подстраивал его движения, пытаясь добиться визуального совмещения двух пространств. В каюте Джона он опустился на узенький жесткий стул, куда Джон перед сном обычно бросал свою одежду. Но развалился на нем слишком уж вольготно – в земной резиденции Патрика О’Хара на этом месте стояло явно более удобное кресло.

– Привет, шеф! – Джон сделал вид, что не заметил этого. – Надеюсь, ребята из моего отдела меня еще не похоронили? – он как можно искренне улыбнулся. – Или отряд не заметил потери бойца?

– Ты в норме? – вместо ответа спросил тот, и Джон еще больше напрягся. Ему хватило ума не вдаваться в перипетии принудительно-добровольного трехмесячного заточения.

Голографический Патрик сидел на низком стуле, и Джон имел небольшое психологическое преимущество, возвышаясь над собеседником в своем рабочем кресле.

В каюте повисла тишина. О’Хара молчал, опустив голову. Со стороны могло показаться, что его чем-то заинтересовал медленно ползающий по полу кибер-уборщик, но Джон слишком хорошо знал своего шефа, чтобы понять – О’Хара чем-то встревожен. Ему вдруг стало неуютно, в висках застучали холодные колокольчики – верный признак надвигающейся опасности. Въевшиеся под кожу за годы оперативной работы рефлексыв заставили его цепким взглядом осмотреть каюту. Естественно, страшнее гусеницеподобного кибер-уборщика на челноке никого не было. Ну, если не считать окна доставки, тайно желавшего его мучительной смерти от гипервитаминоза. «За три месяца одиночества я, кажется, заработал паранойю». Он расслабил разом затекшие плечи, тряхнул головой, отгоняя тревогу.

Шеф так и не поднял на него глаз. Джон видел только его лысый череп, покрытый неровными пигментными пятнами, что означало высокую степень озабоченности и неудовольствия. Впрочем, это явно не касалось лично Джона.

² История «Громовержца» описывается в романе «Запретный Мир. Стажер».

– Тебе предстоит провести инспекцию, – наконец, произнес он и опять замолчал. Надолго. Потом потер лоб, словно пытаясь разглядеть сердитые складки. Фыркнул. Можно было подумать, что ему не понравились собственные слова. То ли форма, то ли содержание. О'Хара обожал абсолютную точность формулировок.

– Кого на этот раз инспектируем? – Джон сделал попытку вывести собеседника из филологического ступора.

– Паломник. Планета. Карантин третьей категории.

– Ну... – облегченно протянул Джон. Карантин третьей категории, это не бог весь что. Вполне заурядный случай.

Патрик снова замолчал и тут впервые поднял на Джона свои круглые, неестественно зеленые глаза. Он был в явном затруднении, и Ролз понял, что дело серьезное.

– Карантин заканчивается через тридцать стандартных земных суток, – без выражения произнес шеф. – Есть основания предполагать, что это, – он мимолетно замялся, – преждевременно. И требуется изменение статуса.

– Изменение статуса... – повторил за ним Джон. Он боялся, что шеф опять замолчит, а все эти недосказанности, уже порядком действовали ему на нервы.

– Не перебивай! – О'Хара впервые за весь разговор повысил голос, и Ролз понял, что тот, наконец, решился. – Никто в Комитете не знает, что я интересуюсь этим делом. И ни в коем случае не должен знать. Следовательно, работать ты будешь один. Никаких помощников. Никаких исключений.

Джон выдержал паузу, чтобы переварить услышанное. Надо признаться, это его ошеломило. Просто такого никогда не было. За все время службы, Джон с таким уровнем секретности никогда еще не встречался. И, честно говоря, даже представить себе не мог, что подобное возможно. Поэтому позволил себе довольно глупый вопрос:

– Что значит – никаких исключений?

– Никаких – в данном случае означает просто «никаких». Есть еще несколько человек, которые в курсе этого дела, но поскольку ты с ними никогда не пересечешься, то практически о нем знаем только мы двое. Разумеется, в ходе негласной инспекции тебе придется встречаться и говорить со многими людьми. Придумай какую-нибудь легенду. О ней изволь позаботиться сам. Без легенды будешь разговаривать только со мной.

– Да, шеф, – изобразил смирение Джон.

– Далее, – продолжал О'Хара, – тебе потребуется информация. Все, что нужно знать об этом деле, получишь файлом в конце нашего разговора. Копировать запрещается. После прочтения уничтожить. – убедившись, что смысл его слов дошел до Джона, нейтральным тоном спросил: – Вопросы есть?

Разумеется, это не было приглашением задавать вопросы. Просто небольшая порция яда. На этом этапе вопросов было множество, и, без предварительного ознакомления с файлом, их не имело смысла задавать. Однако Джон все же позволил себе два.

– Что я должен буду делать?

– Ходить, смотреть, общаться. О своих наблюдениях сообщать мне. Связь по прямому лучу. Персональный энерголимит тебе повышен.

– Я так понимаю, что вопрос стоит о продлении карантина на планете. Могу я поинтересоваться какая категория вам... – он запнулся, – нам представляется наиболее целесообразной?

– Ноль.

– Ноль? – Джон не сумел скрыть своего изумления.

– Ты правильно все расслышал! – Патрик было вскинулся, но быстро взяв себя в руки неожиданно тяжело вздохнул и опять замолчал.

Джон уже решил, что разговор окончен, и О'Хара сейчас прервет связь, но ошибся. Шеф смотрел на него снизу-вверх пристальными зелеными глазами, и зрачки у него то сужались,

то расширялись, как у кота. Конечно же, он ясно видел, что Джон недоволен заданием, что задание представляется ему не только странным, но и, мягко выражаясь, нелепым. Однако по каким-то причинам он не мог сказать ему больше, чем уже сказал. И в то же время не хотел отпустить без того, чтобы не сказать ещё хоть что-нибудь.

– Помнишь, – проговорил он, – планету Ганимед? Мы опоздали тогда с вводом карантина. Тогда погибли трое молодых ученых.

Джон помнил.

– Так вот, – сказал О’Хара. – На этот раз все может обернуться куда как страшнее.

– Загадками изволите изъясняться, шеф? – сказал Джон, чтобы скрыть охватившее его беспокойство.

– Работай, Вепрь, – О’Хара откинулся в кресле и связь прервалась.

* * *

Спейс шаттл «Стрекоза»

Серийный номер: CA/1578-343F

Дислокация: Сектор Z-1. Планетная система Саваж. Планета Паломник.

Среднеземное время: 23–00

«Стрекоза», небольшой грузопассажирский спейс шаттл, обычно ждал трансгалактический лайнер за орбитой последней, двенадцатой планеты системы Саваж. И на этот раз все было как обычно. Транслайнер «Пифагор» материализовался в точно установленном месте, опередив график выхода в трехмерное пространство на одну стандартную минуту. Эфир тотчас же наполнился его позывными с координатами выхода, но навигационные системы «Стрекозы» уже засекли появление лайнера, и шаттл, набирая скорость, помчался к нему.

В командном отсеке «Стрекозы» царил оживление. Не так часто корабли Земли появлялись в окрестностях Саважа. Сектор Z-1, в котором находилось местное светило, был слабо изучен и располагался вдали от стационарных нуль-туннелей.

Теперь будут новые приборы, оборудование, которого всегда так не хватает ученым: физикам, химикам, экзобиологам и инженерам Паломника. Будут последние научные статьи, новая информация и, что греха таить, так любимые подавляющей частью прекрасной половины колонистов Паломника, свежие сплетни из Большого Мира. Будут часы, проведенные в обществе людей, совсем недавно ходивших по Земле.

События этих нескольких часов станут неделями, если не месяцами пересказываться там, на Паломнике. Экипаж «Стрекозы» с трудом будет отбиваться от приглашения на чашку кофе или чего покрепче во все коттеджи Центральной станции. На каждой из двадцати баз вдруг совершенно срочно для проведения непредвиденных работ потребуется кто-нибудь из экипажа корабля. А их всего трое. Командир «Стрекозы» – Сэмюэль Томсон. Его помощник – инженер-кибернетик Владимир Кузнецов. И специалист по связи – Пьер Готье.

Глядя на вырастающую на глазах громадную сферу «Пифагора», не уступающую своими размерами крупному астероиду, Сэмюэль Томсон потряс огромными кулачищами и, ни к кому не обращаясь, сказал:

– Когда вижу его, хочется на все плюнуть и бежать на Землю. На Паломнике это со временем проходит. А здесь с трудом сдерживаю себя, чтобы не написать рапорт.

– «Его зовет и ма-а-а-нит, Полярная, звезда-а-а-а», – тонким дискантом пропел Владимир Кузнецов. – Никуда ты с Паломника не бежишь, здоровяк. А потом, как же Аннет...?

– Ни слова дальше, Кузнец! – загремел Томсон. Командира забавляла эта игра слов, поэтому в хорошем расположении духа он называл его на английский манер Смити³.

³ Smithy (анг. яз) Кузнец, кузница

– Молчу, молчу, Сэм, – Владимир деланно всплеснул руками. – Только не надо подавать рапорт.

– Черт! Я забыл на Паломнике светящуюся рубашку! – вдруг испуганно воскликнул Пьер Готье, ворохом высыпая из своего внушительного размера контейнера заботливо сложенную одежду. – Ну что за женщина! Ева опять все перепутала!

– Как она могла?! – гробовым голосом произнес Владимир. – Это же катастрофа!

– Тебе шутки, а я говорю серьезно. Знаешь, чего мне стоило упросить наших умников из лаборатории ее вырастить! Мультиколор! – с пафосом произнес Пьер. – Это тебе не одноцветные термохамелеоны. На Земле такие уже не в моде. – он снова поник – На вечеринке все будут как люди, а я...

– Всегда говорил, что твоя Ева мудрая женщина, – Владимир многозначительно поднял указательный палец вверх, потом хитро подмигнул капитану. – Я вообще удивляюсь, как это она его до сих пор одного в полет отпускает?

– На что это ты намекаешь? – Когда касалось любовных вопросов, Пьер, как истинный француз, закипал с полоборота. – Моя любимая жена, – демонстративно выделив интонацией слово «любимая», Пьер продолжил, – никогда бы так обо мне не подумала. Тем более, ты прекрасно знаешь, что мы ждем ребенка!

– Прости, – Владимир незаметно подмигнул Томсону, – это в корне меняет дело.

– Вот интересно, – тут же сменил гнев на милость Пьер, – какие женские имена сейчас на Земле в моде? – в голосе связиста промелькнули мечтательные нотки, – Я вот хочу назвать дочку Ирен. А Ева говорит, что я старомоден. А, по-моему, будет красиво и созвучно: Пьер плюс Ева равняется Ирен. Ведь, правда?

– Конечно! – в один голос согласились кибернетик и капитан.

– Вот и я говорю! – приободрился Пьер. – А она: «старомоден, старомоден». Лучше бы за вещами повнимательнее следила, когда собирает меня в ответственную командировку!

– Возьми мою, – поспешно предложил Сэмюель. Он побоялся, что неугомонный балагур Владимир продолжит развивать столь щекотливую для связиста тему.

– Твою? – удивленно переспросил Пьер, снизу-вверх уставившись на широкоплечую фигуру командира. – Но ведь мне нужна не ночная сорочка.

– Как хочешь, – пожал мощными плечами Томсон и вдруг крикнул. – Осталось три минуты до стыковки! Долой этикет, тем более что мы его никогда не соблюдали...

* * *

Джон Ролз.

Дислокация: Сектор Z-1.

Точные координаты: Совершенно секретно.

Серийный номер челнока: Совершенно секретно.

Среднеземное время: 16-00

По еле ощутимой вибрации пола Джон понял, что челнок ложится на курс. Он машинально бросил взгляд на циферблат – до точки пересечения с «Пифагором» оставалось восемь стандартных часов. Он неторопливо соорудил себе двойной чизбургер, дождался, пока в окне доставки появится кружка с дымящимся кофе, и только после этого углубился в изучение файлов.

Первой, как ни странно, во вложении оказалась шифровка, датированная сегодняшним днем.

15.11. / 14:35. ИЗОЛЬДА-ГУРОНУ.

НА ВАШ ЗАПРОС О СТЕФАНЕ ГАРДНЕРЕ ОТ 14.11. СЕГО ГОДА. СООБЩАЮ:
31.10. / 19:50. ОБЪЕКТ ПОДНЯЛСЯ НА БОРТ ТРАНСГАЛАКТИЧЕСКОГО ЛАЙНЕРА

«ПИФАГОР» СЛЕДУЮЩИЙ ПО МАРШРУТУ ПЛУТОН – ГАНИМЕД – ЭКСЕЛЬСИОР – САВАЖ. РАСЧЕТНОЕ ВРЕМЯ ПРИБЫТИЯ В СИСТЕМУ САВАЖ 15.11. / 23:59. ЦИТАТА ОКОНЧЕНА. ИЗОЛЬДА.

Джон сделал глоток кофе и откинулся в кресле. «Эту шифровку Патрик О'Хара получил сегодня, за полчаса до того, как вызвал его на связь. Странно. Выходит, он ждал ее. Ему понадобилось всего полчаса, чтобы принять решение и связаться со мной. И файл, который он сейчас изучает, был, что называется, у шефа под рукой...».

Джон задумался. По всему получается, что и его трехмесячное заточение в этом челноке было частью более большого плана. Скорее всего, шеф точно не знал, когда потребуется переходить к его осуществлению. Возможно, просто оттягивал до последнего. «Интересно, – Джон побарабанил пальцами по столу, – выходит, что этот самый Стефан Гарднер и послужил тем самым спусковым механизмом».

Джон открыл следующий документ. Так, а вот и он, как говорится, собственной персоной:

**В Комитет по Контролю над деятельностью Внеземелья
Руководителю Сектора-Z**

Патрику О'Хара.

Уровень конфиденциальности – средний.

Дата: 15 сентября 2650 года.

Автор: Тристан

Тема: «Паломник».

Содержание: Личное дело № 13

Имя: Стефан Гарднер

Кодовый номер: D-70938-1358409.

Генетический код – см. приложение № 1.

Медицинские параметры – см. приложение № 2.

Физиологические параметры – средние. Психотип -1, ярко выраженный. Устойчивый уровень психики. Флегматик. Интроверт.

Профессиональные склонности: физика, история, литература, философия. Профессиональные показания: преподавание, журналистика, научная популяризация.

Родился: 7.30 час. 25 июля 2619 г., в гор. Тампа, штат Флорида, Земля. Мать – Ольга Ивановна Гарднер, биолог-генетик, смотритель историко-природного заповедника «Эверглейдс»⁴. Об отце данных нет.

– Так, так, так, – Джон перелистнул страницу на экране. – Историк, значит, – задумчиво протянул он, – журналист...

Он пробежал глазами страницу и остановился на медицинских показателях:

Процедура начальной медицинской интериоризации – стандартная. Внимание: процедура биоблокады прошла с осложнениями!

Повышение естественного уровня приспособляемости организма С. Гарднера к внешним условиям (биоадаптация) поставлена лечащими врачами под сомнение. Введение сыворотки унблаф (культуры «бактерии жизни») не привело, к ожидаемому увеличению на несколько порядков сопротивляемости организма ко всем известным инфекциям, вирусным, бактериальным и споровым, а также ко всем органическим ядам. Последующее растормаживание гипоталамуса С. Гарднера низкочастотными излучениями гораздо менее ожидаемого повысило способность организма адаптироваться к таким физическим агентам внешней среды,

⁴ Национальный парк Эверглейдс (англ. Everglades National Park)

как жесткая радиация, неблагоприятный газовый состав атмосферы, высокая температура. Слабо возрос диапазон спектра, воспринимаемого сетчаткой, незначительно выросла способность к психотерапии и т. д.

Кроме того, (и это вызвало наибольшую озабоченность медиков), практически не повысилась способность организма пациента к регенерации поврежденных внутренних органов.

«Редкий случай, но вряд ли это может представлять интерес для КОМКОНа»

– Джон принялся листать дальше, еле слышно приговаривая. – Так. Обучение, стажировки... так, научные работы. Ага, журналистика. Начало работы в Агентстве Всемирных Новостей. Дальше, дальше, вот! – Джон открутил текст немного назад. – Единое Информационное Агентство. Бюро журналистских расследований.

Он присвистнул. Серьезная организация. Деятельность ЕИА негласно курировал Мировой Совет. «Кто владеет информацией, тот владеет всем Миром» – в памяти всплыла фраза, давным-давно произнесенная кем-то из великих.

Кажется, мозаика начинала потихоньку складываться. Правда, пока не понятно во что. Одно теперь совершенно ясно – интерес к Паломнику проявляет не только Комитет по Контактам. Ок. Джон открыл следующий файл и принялся бегло читать.

Планетная Система Саваж. Класс звезды – G2V. Двенадцать планет-спутников. Седьмая планета – Паломник. Обнаружена биологическая жизнь. Дата обнаружения планетной системы Саваж – 2641 год.

Сразу бросилась в глаза, что дата выделена жирным курсивом. За ней кто-то поставил три знака вопроса, потом шла ссылка на другое вложение. Джон на секунду задумался, но решил вернуться к ней позже.

Планета была обнаружена, как зачастую случалось, неожиданно-негаданно. Супружеская чета Лантье, люди к слову весьма преклонного возраста, на старости лет решила принять участие в программе Свободного Поиска. И надо же было такому случиться, в первом же полете взяли джек-пот!

На Паломнике не было смен времен года. Влажный жаркий климат в приэкваториальных зонах постепенно сменялся сухим. Но даже на полюсах днем температура не падала ниже двадцати градусов по Цельсию. На планете царило вечное лето. Состав атмосферы был близок к земной. Фиксировалось лишь небольшое превышение инертных газов, что, впрочем, было в пределах допустимого и не критично для здоровья человека.

Не планета, а сказка. Омрачало лишь одно – на тысячи километров к югу и северу от экватора тянулась APS⁵. Название дали биологи, но оно использовалось разве что в официальных отчетах. Работавшие на Паломнике люди называли единственный биом этого мира коротко – свамп, не утруждая себя добавлением приставки псевдо. Здешний животный мир не отличался разнообразием и был представлен исключительно беспозвоночными самого примитивнейшего строения. В большинстве своём местная фауна использовала внешнее пищеварение, ибо эволюция на Паломнике пока не додумалась до такой нужной вещи, как желудок.

Но на недостаток аппетита слизнеобразные существа пожаловаться не могли, да им и заняться больше было нечем, кроме как пожиранием себе подобных, но меньших по размерам.

В этот серо-зеленый копошащийся мир супружеская чета Лантье спуститься не решилась, что было с их стороны весьма разумным решением. Сделав необходимые по протоколу замеры, супруги отправили сообщение с координатами открытой планеты на Землю в Центральный штаб Группы Свободного Поиска и отбыли восвояси.

Штаб ГСП сообщение получил. По утвержденному регламенту, в подобных случаях требовалось незамедлительно проинформировать о находке Галактическую Службу Безопасности и продублировать сообщение в Комитет по контролю над деятельностью во Внеземелье. Этого

⁵ Агрессивное Псевдо Болото (англ. – Aggressive Pseudo Swamp)

сделано не было. Справедливости ради, следует отметить, что ГСБ и КОМКОН с большой прохладцей, если не сказать, неприкрытым негативом, относились к деятельности этой саморегулирующейся общественной организации.

Группа Свободного Поиска играла роль своеобразной «социальной отдушины» для людей, не нашедших себя в организованной жизни человечества – в ней встречались, конечно, и профессиональные исследователи-энтузиасты, мечтающие принести пользу Земле великими открытиями, но чаще в поиск уходили романтически настроенные пары, чтобы проводить всё время вместе, молодые люди, недавно закончившие школу, не имеющие никаких особых способностей и склонностей, позволяющих уверенно выбрать профессию, ну и всяческие мизантропы.

Открытие планеты с пригодными условиями для жизни было событием для землян экстраординарным. Возможно, руководство ГСП засомневалось в достоверности полученного сообщения и, чтобы впоследствии не выставить себя на всеобщее посмешище, решило самостоятельно перепроверить информацию. Возможно, посчитало, что при таком раскладе все лавры победителя достанутся официальным организациям, долго и методично критиковавшим их деятельность. А может быть имело место, и то, и другое вместе взятое?

Так или иначе, в нарушение регламента руководство ГСП по своим внутренним каналам отправило координаты новоиспеченной планеты всем своим кораблям, которые находились на тот момент ближе всего к Сектору-Z.

Восьмиместный серийный шаттл Т-611/3301 получив сигнал из Центра, немедленно изменил маршрут и на девятый день лег на дальнюю орбиту Паломника. Известно, что одно нарушение влечет за собой другое, другое тянет за собой следующее. Так произошло и на этот раз. На борту шаттла Т-611/3301 находилось восемь юношей и девушек. Самым старшим в этой кампании был капитан. Ему недавно исполнился двадцать один год.

Вместо того, чтобы немедленно направить в Центр депешу, подтверждающую наличие в системе Саваж планеты земного типа, и до прибытия специальной комиссии оставаться на орбите, все члены экипажа единогласно проголосовали за высадку и исследование местности подручными методами.

Они долго кружили над Паломником, выбирая место для посадки и запуская разведывательные зонды. В этот серо-зеленый копошащийся мир человек не мог ступить, предварительно не уничтожив его. Всюду было одно и то же. И тогда командир принял решение выжечь огнем планетарных дюз корабля пятачок диаметром в километр.

Корабль приземлился. Шесть человек вышли из него. Через час только двое сумели вернуться назад, а недавно выжженный пятачок уже ничем не отличался от остального свампа, лишь только стрела корабля, направленная в зенит, нарушала мрачное однообразие пейзажа. Быстрота, с которой болотная жизнь завоевывала отнятое человеком пространство, просто ужасала.

Корабль взлетел и с максимальным ускорением направился прочь от дикой планеты. Кто-то из оставшихся в живых членов экипажа, наконец, отправил на Землю сигнал о помощи.

Джон Ролз прервал чтение, потянулся всем телом и бросил взгляд на циферблат. До стыковки с «Пифагором» оставалось шесть часов. Не так много. Он хотел подняться на борт лайнера свежим и отдохнувшим. Поэтому из оставшегося времени Джон решил выделить несколько часов на сон.

Файлов оказалось значительно больше, чем он предполагал. Джон принялся читать отчеты по диагонали, пропуская в них «беллетристику» акцентируя внимание только на сухих фактах.

Первая научная экспедиция – 2643 год. Отчеты, диаграммы, замеры всех мыслимых и немыслимых параметров, опять отчеты. Джон закрыл файл.

Вторая широкомасштабная научная экспедиция – 2645 год. Опять куча отчетов. В том числе данные по остальным одиннадцатым планетам системы Саваж. Впрочем, ничего примечательного. Джон уже собирался свернуть и этот файл, как в самом конце наткнулся на шифровку.

В Комитет по контролю над деятельностью во Внеземелье

Срочно!

Председателю Комитета по контролю, члену Мирового совета Шень Чжоу Сантошу

Уровень конфиденциальности – секретно

Дата: 11 декабря 2646 года

Время среднеземное: 14:30

Автор: Виктор Кларионни, руководитель экспедиции «Саваж»

Тема: «Паломник»

Подтема: «Скитальцы»

Содержание:

Здравствуйте, уважаемый Шень Чжоу!

Заранее извиняюсь, что беспокою Вас напрямую, минуя руководителей подведомственных Вам департаментов, в чьих компетенциях нисколько не сомневаюсь. Но... памятью наши дружеские встречи на последних научных конференциях, где мы имели возможность с Вами в частном и конфиденциальном порядке обсуждать (точнее – горячо спорить!) проблему так называемых Скитальцев и их гипотетическому влиянию на развитие человеческой цивилизации, смею предположить, что полученная мной информация будет Вам интересна.

Файлы прилагаю.

С уважением,

В. Кларионни

Конец документа.

Чувствуя, как быстрее забилося сердце, Джон еще раз перечитал шифровку. Допив остатки уже холодного кофе, он один за другим открыл три приложенных к ней файла.

На сто восемьдесят пятый день пребывания второй научной экспедиции, глайдер стремя людьми на борту, выполняющими плановое исследование местных джунглей с воздуха, опустился ниже и обнаружил конструкцию явно искусственного происхождения. Сооружение было пирамидальной формы с четырьмя равнобедренными сторонами. Вопреки инструкциям (Джон поймал себя на мысли, что уже перестает удивляться вопиющей безалаберности гражданских) экипаж глайдера совершил посадку, для более детального изучения объекта. Однако к сооружению им приблизиться не удалось – напирющий со всех сторон свамп вынудил поспешно ретироваться.

Через день повезло уже другому экипажу – на самом экваторе планеты была открыта Центральная, так ее сразу назвали. Она превышала первое сооружение в несколько раз.

Вскоре обнаружили еще девятнадцать небольших пяточков, отвоеванных кем-то у свампа и застроенных странными пирамидами. Двадцать пяточков, оставленных неведомой цивилизацией, были названы просто базами. Они растянулись кольцом по периметру Паломника через каждые две тысячи километров. Их было всего двадцать и еще Центральная. И больше никаких признаков цивилизации. Ни городов, ни дорог, ни космодромов. Планета была пуста.

Тогда же кто-то из членов экспедиции и назвал планету- Паломником. Название быстро прижилось. Было ясно, что некто когда-то посетил эту планету, возвел непонятные сооружения и отбыл восвояси. О наличии собственной разумной жизни на Паломнике нечего было и мечтать. Здесь не было не то что млекопитающих, но даже рептилий.

Комитет по контролю тут же присвоил планете карантин первой категории. Научную экспедицию свернули, всех людей поспешно эвакуировали. На стационарной орбите Паломника разместили исследовательскую базу, главной и, пожалуй, единственной задачей которой, было наблюдать.

* * *

Джон вылез из кресла, сделал несколько приседаний, закончил легкую разминку наклонами. Возвращаться за монитор не хотелось. Он принялся ходить по каюте. Надо было поразмыслить. С каждым прочитанным файлом, в деле вскрывался новый пласт проблем. Он поймал себя на мысли, что чем больше получает информации, тем более запутанной видится вся эта история. Как в русской матрешке: открываешь большую, а там вторая поменьше, потом третья, а в ней еще меньшая четвертая, и сколько их там еще, поди, разберись.

Скитальцы... В его голове даже мелькнула совсем уже идиотская мысль, что О'Хара подсунил ему фейк. Но ее тут же пришлось отбросить. В делах шеф был предельно серьезен. Да и уровень конфиденциальности, не говоря уже об адресате шифровки не оставлял Джону ни малейшего шанса отмахнуться от этой информации. Он задумался.

Первые упоминания о Скитальцах появились, наверное, лет двести, а может и триста назад, когда человечество делало первые робкие шаги по освоению дальнего Внеземелья. Вполне естественно, что на своем пути исследователи довольно часто сталкивались с загадочными, необъяснимыми на тот момент наукой вещами или явлениями. В частности, различными по виду и размерам артефактами, предположительно искусственного происхождения, но непонятными по своему предназначению. Древними развалинами «городов», которые, впрочем, вполне могли оказаться как останками гигантских механизмов, или обычными, хоть и причудливыми природными образованиями. Подобного рода следы находились во множестве и в совершенно разных, уголках галактики и Периферии, разнесенных между собой огромными расстояниями. Постепенно все необъяснимое стали приписывать почти мифологическим Скитальцам.

По мере экспансии человечества во Внеземелье, подобного рода находок становилось все больше и больше. В тоже время, в связи с экспонентным накоплением знаний о Космосе и его природе, большинству «загадочных» артефактов находились вполне тривиальные объяснения. Со временем научный интерес к гипотетической цивилизации Скитальцев иссяк, и, в конце концов, из научных диспутов они перекочевали во всевозможные развлекательные программы, фантастические фильмы и в бесконечные мультсериалы. А внимание к Скитальцам стало делом школьников среднего возраста – искателей загадок и тайн.

На минуту Джон почувствовал себя обиженным ребенком, которому накануне Рождества объявили, что Санта Клауса не существует, а вечером он случайно подслушал, как взрослые всерьез обсуждают вопрос, откуда скорее всего можно ждать появления Санты: из камина, форточки, или на всякий случай расчистить от снега посадочную полосу для его оленей?

Против воли Джон почувствовал, как закипает гневом на шефа. Мог ведь сразу в курс дела ввести, а не вываливать на него терабайты новой информации! Правда, тут же на помощь О'Хара пришел его внутренний голос: Значит, не мог, а точнее не хотел навязывать свое видение ситуации. Шеф – разумный человек и, скорее всего, допускает, что и сам может ошибаться. Вероятно, ему нужно непредвзятое мнение со стороны оттого, кому можно доверять.

Такой ход размышления вернул Джону расположение духа, и он почти с прежним энтузиазмом вернулся к монитору.

* * *

2655 год. Карантин первой категории заменяют на второй, а спустя год, присваивают третий. Странно. На понижении категории опасности обычно уходят годы, а то и десятилетия. А тут всего за пару лет с первой на третью. Джон почесал затылок. Без лоббирования чьих-то интересов в Мировом Совете тут явно не обошлось. «Ладно, – Джон потер глаза – читаем дальше».

После снижения карантина до третьей, желтой степени опасности, начинаются полномасштабные работы непосредственно на поверхности планеты.

Грузовые трансгалактические лайнеры в течение четырех месяцев перебрасывали на Паломник оборудование, глайдеры, вездеходы, приборы, целые научные лаборатории, строения, пищу, мебель, людей. Экспедиция была прекрасно оснащена. В ней насчитывалось триста пятьдесят колонистов: астроархеологи, экзобиологи, квантовые физики, а также техники и инженеры всех мастей. Неизвестно, что именно произошло на Паломнике, поэтому разгадка могла быть найдена представителями любой науки. Ну, а если говорить правильнее, то усилиями всех наук, членами всей экспедиции.

Рядом с каждой из пирамид были развернуты земные базы. Базы как базы, они на всех планетах земного типа возводились по единому стандарту, но что-то в схемах привлекло его внимание. Джон вывел увеличенное голографическое изображение Центральной. Пять полусферических зданий.

Одно из них в центре – побольше – и все связаны между собой многоярусными переходами.

Джон повернул парящее перед ним трехмерное изображение. Так. А это еще что? Чуть поодаль от базы, уже за рабочим периметром силового поля возвышались четыре циклопических цилиндра. По форме они напомнили Джону накопители энергии. Скорее всего, так оно и было. Правда, планетарные накопители таких размеров до сих пор ему не встречались.

Он немного подумал, потом приказал искину вывести топографическую карту этого района и совместить голограммы. Догадка оказалась верна – четыре накопителя словно, взяв в кольцо, возвышались недалеко не маленькой инопланетной пирамидой.

Джон откинулся на спинку кресла. Что же получается? Если экспедиция изучает биосферу планеты, то карантин третьей категории вполне себе оправдан. Но, судя по всему, целью изучения являются инопланетные артефакты. А это уже, как ни крути, тянет на первую категорию. И, конечно же, о снятии карантина тут и речи не должно быть.

Он вспомнил взгляд О'Хара – тревожный и будто в чем-то виноватый. Джону стало не по себе. Потом он разозлился. «И куда ты меня, дружище, втянул?».

Злость придала силы. Он вдруг с радостным удивлением почувствовал прилив адреналина и... охотничий азарт. То самое забытое состояние, о котором он уже и перестал мечтать.

– Спокойно, Вепрь! – осадил он себя. – Сначала думаем, потом действуем.

Джон решил вернуться в самое начало. «Так, где же этот файл? – он наморщил лоб вспоминая. – Ага, вот он».

Джон снова пробежал текст глазами:

«Планетная система Саваж. Класс звезды – G2V. Двенадцать планет-спутников. Седьмая планета – Паломник. Обнаружена биологическая жизнь. Дата обнаружения планетной системы Саваж – 2641 год.»

За выделенной жирным курсивом датой шла ссылка. Немного помешкав, Джон щелкнул по ней.

В Комитет по контролю над деятельностью во Внеземелье

Срочно!

Руководителю Сектора Z, Патрику О'Хара

Уровень конфиденциальности – секретно

Дата: 12 ноября 2643 года

Время среднеземное: 16:45

Автор: Дзен Чао Пин, директор аналитического департамента Проекта «ОКО»

Ответ на запрос 347/549нк-43 от 05 ноября 2643 года

Тема: «Паломник»

Подтема: «Скитальцы»

Содержание:

Здравствуйте, уважаемый О'Хара!

Сразу хочу сказать, что отнесся к Вашему запросу скептически. Однако, по мере обработки имеющихся в нашем распоряжении данных о перемещениях и маршрутах движения космических летательных аппаратов в Секторе Z за весь период изучения и освоения Периферии мы получили неожиданные результаты. См. приложение 1.

Хочу также обратить Ваше внимание, что сектор пространства, где располагается планетная система Саваж, в период с 2625 по 2635 годы, был внесен Межгалактическим департаментом исследований, как приоритетный в их миссии по обнаружению планетарных систем с подходящими условиями для жизни человека. Но, как это ни странно, полномасштабное сканирование и изучения этого сектора зондами-разведчиками в то время не дало ни каких результатов.

P.S.

Уважаемый Патрик, от себя лично хочу добавить, что по той плотности исследования, интересующего Вас сектора пространства удивительно, что объект был обнаружен лишь в 2641 году, а не гораздо раньше.

Меня настораживает и то, что система Саваж была открыта действительно случайно, уже после свертывания полномасштабной программы Межгалактического департамента исследования Глубокого Космоса.

Теперь, в свете проведенной аналитической работы подведомственного мне департамента, хочу признаться, что Ваша фантастическая концепция о том, что некто долгое время скрывал от нас целую планетарную систему, уже не кажется мне такой уж неправдоподобной.

Удачи в Вашем расследовании!

С уважением,

Дзен Чао Пин.

Конец документа.

Джон в задумчивости побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Скита-а-льцы... – протянул он, словно пробуя слово на слух. В это трудно было поверить, но проблемой озаботились на самом верху. В памяти совершенно неожиданно всплыло название когда-то давно прочитанной статьи: «Влияние сказок и мифологий на развитие человеческой цивилизации». Когда он это читал, и о чем там говорилось, Джон не помнил. А вот имя автора на развороте запомнил: А. Гудман.

Джон хмыкнул, с раздражением отметив, что смешок получился нервным. Он набрал в поисковике файла слово «Скитальцы» и, прежде чем нажать клавишу «Enter», ни к кому конкретно не обращаясь, пробормотал:

– Ну, если уж вы так хотите, чтобы Джон Ролз вновь поверил в Санту...

На экране появился список подфайлов, где упоминалось слово «Скитальцы». В основном это были донесения и рапорты агентов. Нельзя сказать, что их было много, но особого желания

читать все, Джон не испытывал. Он сам не так давно был полевым агентом и составлял такого рода отчеты сотнями, если не тысячами. Джон наугад открыл первый попавшийся.

Электронная копия письма

Сводка.

В Пятое отделение Галактической Службы безопасности

Срочно!

Начальнику пятого отделения, Майклу Эндрю Фокс

Уровень конфиденциальности – высокий.

Дата: 22 декабря 2630 года.

Автор: Гамлет,

Тема: «Скитальцы».

Содержание: «Поле связи». Новые данные.

1. В 2615 г. ученые из Института Физики Пространств начали работу в области Теории Взаимопроникающих Пространств. В 2617 г. они случайно наткнулись в архиве на работу группы ученых по изучению воздействия псевдокристаллов с планеты Призрак на реликтовое излучение. В работе приводилась интересная гипотеза, что при определенных условиях кристаллы самогенерировали так называемое «поле связи», в котором одна из ее составляющих искусственного происхождения. Эта составляющая, по мнению неизвестных авторов гипотезы, была активизирована некой сверхцивилизацией и воздействовала непосредственно на разум гуманоидов, в том числе – Ното Sapiens.

Неожиданно для физиков-экспериментаторов гипотеза по ходу опытов начала обрывать подтверждениями. Обеспокоенные «пространственники», к счастью, тут же обратились в ГСБ и приостановили исследования. Из этого следует, что человечество в любой момент, который покажется сверхцивилизации удобным, может оказаться под воздействием компонента «поля связи» с непредсказуемыми для нас последствиями.

2. В октябре 2621 года на орбитальной лаборатории Института Физики Пространств у Юпитера произошла катастрофа. Автоматы продолжали безукоризненно выходить на связь, тогда как никто из сотрудников не отзывался. Высланная для изучения обстоятельств спасательная экспедиция выяснила, что вся научная группа в полном составе, а также руководители – академик Натиашили Отар Георгиевич и его жена Хельга П атаки – пропали без вести.

Все транспортные средства, равно как и скафандры, оставались на месте, иллюзы не открывались. Специальное научное оборудование было невозстановимо выведено из строя целенаправленным воздействием высоких температур. Однако при этом ни малейших следов повреждений на станции обнаружено не было. Не пострадала также и пластиковая облицовка отсеков, где находилась уничтоженное оборудование. Один из экспертов успел зафиксировать следы остаточного деритринитационного возмущения в непосредственной близости от орбитальной лаборатории. Причин возмущения никто не отметил. Объяснения исчезновению ученых нет.

П.С.

Тогда же составляющая искусственного происхождения исчезла из «поля связи».

Джон устало потянулся и посмотрел на циферблат. До стыковки с «Пифагором» оставалось чуть меньше пяти часов. Надо поспать. Предстояла работа, и он собирался взойти на борт лайнера отдохнувшим и полным энергии. Он посмотрелся в зеркало, критично рассматривая свой внешний вид. Нужна была легенда. Для его специфической работы лучше всего подходила профессия журналиста. Всегда можно сослаться на заказ какого-нибудь солидного издательства, и задавай, кому хочешь, любые вопросы. Люди, как правило, легко шли на контакт,

предоставляя нужную ему информацию. Но главный объект, с кем требовалось установить тесный контакт – Стефан Гарднер – сам являлся профессиональным журналистом и работал не в каком-нибудь местечковом журнале, типа «Венера Тайме», а был штатным сотрудником Бюро журналистских расследований ЕИА. Такого на мякине не проведешь.

Джон вздохнул – видимо придется корректировать свою внешность. Он терпеть не мог прибегать к помощи бодимодификатора. Процедура не из приятных, к тому же требуется достаточно длительное время, чтобы новое тело стало таким же послушным, как свое. А вот времени у него теперь нет.

Быстро прокрутив на экране все образы личностей, использованные им когда-то в работе и занесенные в память компьютера, Джон остановился на самом последнем, снова вздохнул и решительно набрал на пульте команду активации кабины бодимодификации.

Он мельком взглянул на настенные часы. До начала миссии оставалось меньше шести часов. Из секретного предписания О'Хара, Джон должен был пришвартоваться к трансгалактическому лайнеру «Пифагор», войти в контакт с объектом и ровно через сутки отбыть вместе с ним в конечный пункт назначения, а именно на Паломник, планету, находящуюся под карантином третьей категории.

Когда над медицинским отсеком загорелась зеленая лампочка, он встал из-за пульта, потянулся всем телом и прежде чем войти в услужливо распахнувшиеся двери, бросил через плечо:

– Все файлы уничтожить. Разбудишь за полчаса до стыковки.

– Принято, – бесцветный голос искина подтвердил команду, – файлы уничтожены. Расчетное время пробуждения через триста семнадцать минут.

* * *

Трансгалактический лайнер «Пифагор»

Серийный номер: А/117

Дислокация: Сектор Z-1. Планетная система Саваж.

Среднеземное время: 02–36

Местное время: 16:50

Стефан Гарднер шел по тенистой аллее, усыпанной плодами дикой груши. Зря он решил пройтись до космопорта пешком. Стоило только ему отпустить двухместный пассажирский флайер, как, словно по заказу, налетел порывистый ветер, по листьям затарабанили крупные капли дождя, а по плитке зашлепали перезревшие груши. Сорванные ветром плоды лопались липкими кляксами, буквально за минуту превратив тротуарную плитку в непреодолимую полосу препятствий.

Как он ни старался ступать по сухому, но вскоре на подошвы налипла сладкая субстанция, и теперь каждый его шаг сопровождался отвратительным чавканьем.

– А, черт! – Стефан поскользнулся на очередной «мине», с трудом удержав равновесие. И, как назло, ни одного киберуборщика в радиусе видимости.

Стефан посмотрел вверх. По голубоватой сфере псевдонеба из центра по краям разбегались белые барашки облаков. Центральный климатизатор «Пифагора» работал на максимальной мощности, готовя площадку для сегодняшнего шоу. Скоро начнет темнеть, на час раньше обычного. Стефан неосознанно прибавил шаг и опять чуть не растянулся на плитке. Он чертыхнулся в который уже раз, но все же пошел осмотрительнее. Надо успеть добраться до космопорта прежде, чем начнется представление. «Представление! – он криво усмехнулся – да это будет второй Армагеддон!»

Стефан собственно из-за этого и отправился в космопорт заранее. Тот относился к особо охраняемой технической зоне, поэтому, как надеялся Стефан, шоу, устраиваемое Рене Буатье, его не затронет. Он криво улыбнулся.

В отличие от десятков тысяч людей: туристов, командировочных, техперсонала и многочисленного экипажа «Пифагора», Стефан был осведомлен о предстоящей программе.

Рене Буатье, молодой гений спецэффектов, в свои неполные тридцать лет уже успел прославиться на всю обитаемую Вселенную. Его так и называли – Творец Иллюзий. Его шоу были уникальны, никогда не повторялись дважды и конечно держались в строжайшем секрете до последнего.

Так получилось, что Стефан и Рене в один год заканчивали Циммеровскую среднюю школу в небольшом городке Цорндорф и до сих пор оставались хорошими друзьями. Когда Гарднер, в свою бытность, еще работал в Агентстве Всемирных Новостей, его журналистское руководство, прознав об этом, несколько раз беззастенчиво поручало ему щекотливое задание – взять у Творца Иллюзий «горячее» интервью.

Буатье вел довольно скрытный образ жизни, беседовал с журналистами нечасто и то, в основном, во время проведения своих рекламных кампаний. Эксклюзивное же интервью у него удалось взять всего лишь трижды. И как вы думаете, кто был тем самым везучим интервьюером?

Но не в этот раз. Сейчас у Стефана Гарднера была совсем другая миссия. Когда он узнал, что бывший одноклассник дает представление на «Пифагоре», долго колебался, позвонить Буатье, или все же не беспокоить? Однако Рене, ни секунду не раздумывая, пригласил старого друга на свою виллу, любезно предоставленную ему и его команде капитаном «Пифагора» Стенли Кларком. Во время закрытой вечеринки, где помимо приближенных сотрудников присутствовал весь высший командный состав трансгалактического лайнера, Рене Буатье продемонстрировал присутствующим промо-ролик нового шоу с говорящим само за себя названием – «Вторжение с Альдебарана».

Стефану с детства не нравились массовые мероприятия, особенно когда они сопровождались невыносимым грохотом и канонадой, но даже он проникся реальностью происходящего. А если учесть, что демонстрационный ролик не в силах был передать масштаб, грандиозность и ту самую уникальную атмосферу, присущую всем работам Буатье, то присутствующим стало ясно – ожидания даже самых привередливых и пресыщенных зрителей и в этот раз не будут обмануты.

Честно говоря, Стефану стало немного жалко Стенли Кларка. Будь он на месте капитана, ни за что бы не разрешил устраивать такую вакханалию на вверенном ему корабле. Стефан пожал плечами в ответ на свои мысли. Может поэтому он и не капитан трансгалактического лайнера. И никогда им и не станет.

Быстро темнело. Грушевые насаждения, наконец-то, закончились, и Гарднер прибавил шаг. До здания космопорта оставалось еще километра три, не меньше. Хотя чувство расстояния на «Пифагоре» его постоянно подводило. Скорее всего, дело было в рефракции искусственной атмосферы. Трансгалактический лайнер имел форму шара, поделенного внутри палубой на две примерно равные половины. Условно нижняя его часть была отдана техническим службам. Жилой же сектор размещался в верхней части. По своей сути это был большой город земного типа, размером с Нью-Йорк и пригородами, а огромная полусфера над ним имитировала небо. Днем тут, как и на Земле, светило солнце, ночью зажигались звезды, и восходили две большие, лазурного цвета луны, как две капли воды похожие на спутники планеты-курорта Эксельсиор.

Когда уже совсем стемнело, Стефан увидел парящую над небольшим квадратным зданием светящуюся надпись: «Космопорт».

Он вбежал по широкой лестнице и, пройдя напрямик через полупустую парковку пассажирских флаеров, вошел в услужливо распахнувшиеся перед ним стеклянные двери. Немного замешкался, давая глазам привыкнуть к яркому внутреннему освещению. К нему услужливо подкатил кибер-гид:

– Добро пожаловать! – приятным мужским баритоном произнес он на интерлинге. – Могу я чем-то быть вам полезен?

– Да, пожалуй, – Гарднер беспомощно оглядел просторный и пустой вестибюль, из которого лучами расходились широкие туннели. – У меня завтра вылет на Паломник, решил вот, – он, словно извиняясь, развел руками, – немного загодя, так сказать прибыть.

– Паломник, – повторил за ним кибер-гид. – Не самый плохой выбор, сэр. Тогда нам нужны ворота дэ. Садитесь, я вас подвезу.

– Спасибо, – Гарднер шагнул на открытую платформу и не без удовольствия уселся в одно из четырех кресел. Прогулка по грушевой аллее его изрядно утомила. – Что-то не густо у вас тут с пассажирами...

– О, да! – с радостью согласился гид. – Это все из-за шоу! Я, по правде говоря, очень удивился, когда вы появились в вестибюле. Две трети техперсонала космопорта еще с утра в город отбыло, – Стефану показалось, что кибер тяжело вздохнул. – Я бы тоже съездил посмотреть, но работа... – гид многозначительно замолчал.

Тем временем они остановилась перед широкими, как ворота, стеклянными створами скоростного лифта. Над ними светились буквы: «GATE – D».

– Спуск займет десять минут, – в недрах лифта мелодично тренькнуло, и створки с шипением разошлись в стороны. Платформа кибер-гида плавно въехала внутрь. – Если не возражаете, я вас сопровожу вниз. И вам удобнее, и я время скоротаю.

Стефан не возражал. Его забавляла словоохотливость робота.

* * *

Стефан Гарднер сидел в дальнем углу небольшого, оформленного под старину чистенького кафе. Он специально выбрал место подальше от голографического окна, транслировавшего в он-лайне происходящее на оживленной в это время центральной площади Города. Это оказалось пятое по счету заведение, где он решил остановиться. Здесь хотя бы было тихо. В четырех предыдущих толпился народ, динамики были на полную громкость. Создавалось впечатление, что весь техперсонал космопорта, которому выпало дежурить в этот день, собрался поглазеть на голотрансляцию Творца Иллюзий.

В этом же кафе посетителей было немного. Тихим фоном играла классическая музыка, и царил мягкий полумрак. Стефан решил, что это просто подарок свыше. Он собрался наскоро поужинать и, не дожидаясь кульминации представления, отправиться в заранее забронированный номер отеля космопорта.

Стефан заказал яичницу по-аджарски с помидорами, зеленью, но без чеснока, и горячий хачапури. К грузинской кухне его пристрастила супруга. Бывшая супруга. Тамара. Тома. Стефан почувствовал, как предательски защемило сердце. Он отложил приборы и сделал добрый глоток холодного пива. Странно, он надеялся, что боль уже прошла, и он вновь может жить, не думая сто раз на дню об этой женщине. Несколько лет, изо дня в день он вытравливал из себя ее образ – взгляд, черные как смоль волосы, эту загадочную, блуждающую на пухлых губах улыбку...

Он слишком громко поставил бокал на стол. Мужчина, сидевший за соседним столиком и что-то углубленно изучавший на экране планшета, бросил короткий взгляд в его сторону, кивнул, как бы здороваясь, и снова уткнулся в свой гаджет.

Гарднер опустив голову, принялся сосредоточенно поглощать пищу. Боль вернулась, будь она не ладна! Стефан вздохнул. Нельзя долго обманывать себя. Он знал, что так и будет. Знал с того самого момента, как получил это задание и согласился на него.

Да, конечно, получить приглашение на Паломник – честь для любого журналиста, Стефан это знал и был польщен. Экспедицию на этой закрытой карантинной планете возглавлял известный физик-волновик Конрад Лоренц, у которого Стефану в свое время довелось учиться. Когда же он увлекся журналистикой, Лоренц был раздосадован: уходил любимый ученик. Но Стефан не бросил физику насовсем и стал журналистом, пишущим по вопросам науки.

И сейчас он летел на Паломник по приглашению старого учителя. Конрад не объяснил причину своего выбора, и Стефан терялся в догадках. Возможно, это было связано с вопросом о карантине. В Мировом Совете в данный момент решалась судьба миссии на этой планете. Как ему объяснил Чарли Джен, под началом которого он работал в Бюро, в Совете по этому вопросу не было единого мнения. Большинство высказывалось о полной его отмене. Ведь это даст возможность полномасштабного изучения планеты с ее загадочными пирамидами-артефактами, оставленными неизвестно кем и когда на Паломнике. Правда, нашлись и те, кто ратовал за ужесточение карантина, вплоть до полного сворачивания миссии. Это, конечно же, были параноики из Галактической Службы Безопасности. Стефану не раз доводилось встречаться с представителями этого ведомства, когда он проводил журналистские расследования. У него сложилось стойкое впечатление, что если этим ребятам дать волю, то они с радостью не только запретили бы исследования Периферии, но и ввели бы тотальный запрет вообще на выход людей в Космос. Ато «мало ли что?» Конечно, легче всего по надуманным причинам запретить, чем реально заниматься делом, ради которого собственно и была создана ГСБ-обеспечением безопасности людей. И не просто людей, а ученых, стоящих на острие научно-технического прогресса!

В общем, от Стефана, как инструктировал его до отлета Чарли, требовалась непредвзятая оценка обстановки на Паломнике. Гарднер терпеть не мог любые ограничения свобод, а тем более высосанных из пальца правил, препятствующих развитию прогресса и тем самым тормозящих экспансию Человечества во Вселенной. Так что лучшего кандидата в борьбе с мракобесием, которую олицетворяла собой столь одиозная структура, как Галактическая Служба Безопасности, ЕИА было не найти.

Но было и еще одно обстоятельство... На Паломнике в группе археологов работала его бывшая жена – Тамара. Уж не пришло ли в голову Конраду Лоренцу примирить двух людей, которых он хорошо знал. И об этом сейчас думал Стефан, но старательно гнал подобные мысли.

Мечтая о встречах с Тамарой, Гарднер сам делал их невозможными. Но теперь они должны встретиться. Триста пятьдесят человек на одной планете – не очень густо. Не встретиться просто невозможно.

Стефан усилием воли оборвал поток мыслей. Чтобы как-то отвлечься, принялся незаметно изучать присутствующих в кафе посетителей.

Невзрачного вида мужчина за соседним столиком все также неотрывно что-то печатал на своем планшете. При этом он водрузил на переносицу очки в толстой роговой оправе. Сначала Стефан подумал, что это какой-то незнакомый ему гаджет, но когда человек в какой-то момент их снял и принялся ловко протирать линзы обыкновенной салфеткой и при этом близоруко щуриться, Стефан понял что это самые обычные очки для корректировки зрения. Он не успел отвести взгляд. Мужчина заметил его интерес и, чуть виновато улыбнувшись, снова водрузил себе на переносицу старинное приспособление.

Стефану стало неловко, он даже почувствовал, как потеплели кончики ушей. «Какая бестактность! – мысленно обругал он себя. – Пялится вот так на физически ущербного человека! Он хотел улыбнуться в ответ, но время было потеряно, и сейчас это выглядело бы совсем глупо.

«Хотя странно, конечно, – пришел ему на помощь внутренний голос, – я никогда до этого не встречал людей со слабым зрением. Простейшая процедура в любом медицинском стационаре гарантировала стопроцентное восстановление».

Но, мало ли что? И не ему ли не знать, что не все в силах даже современной медицины. Нельзя сказать, что Стефан остро чувствовал свою физическую неполноценность. Да и по внешнему виду это нельзя было определить. В обычной жизни он был как все. Гарднер родился с синдромом «гипергенетики», или как еще называли «сверх устойчивого генофонда». Что, по сути, означало, что его организм практически не поддавался улучшению.

Он сильно отставал в физическом развитии от сверстников, медленнее всех в классе бегал, ниже всех прыгал, не мог оставаться под водой дольше пяти минут. В конце-концов, он пару раз даже болел простудой. Стефан хорошо запомнил это состояние – высокая температура, заложенность носа, при этом невозможно нормально дышать, а главное – слабость во всем теле, когда руки-ноги плохо слушаются и все время клонит ко сну. Это отвратительное ощущение бессилия и беспомощности, которое он с тех пор возненавидел и всегда гнал от себя.

От неприятных размышлений его отвлекли громкие голоса. В дальнем конце зала несколько человек громко спорили. По отдельным фразам, долетающим до него, он понял, что это были компаративисты, или как сейчас было модно говорить – историки-параллелисты, ученые изучающие социально-экономические формации отсталых цивилизаций. Видимо, они спорили давно, причем каждый безуспешно пытался донести до собеседников свою точку зрения, совершенно не прислушиваясь к мнению оппонентов.

– Да, как вам не понять! – грузный мужчина с короткой бородкой даже вылез из-за стола. – Наука и просвещение; свободное предпринимательство; здоровая конкуренция во всех сферах жизни, экономики и политики, а также минимальное вмешательство государства в эти самые сферы; открытость и вообще свобода в самом широком смысле слова – всё это в совокупности является мотором прогресса цивилизации. И наличие данных условий абсолютно необходимо для движения любой цивилизации вперед!

– Кто же с этим спорит, Чарльз! – его визави, ухватив бородача за локоть, попытался усадить того на место. – Мы-то говорим в ретроспективе!

– Да, – поддержал его третий. – Пойми же ты, наконец, время – штука, имеющая такую волновую структуру. И если мы представим себе в качестве элементарных частиц молекулы воды, которые собирает волна для того, чтобы тащить ее на себе, и в этот момент ее геометризует и придает ей форму, но как только эта волна проходит, то вот эти элементарные частицы опять-таки бессистемно и хаотично начинают распространяться. И собрать их снова абсолютно невозможно.

– При чем здесь волна, Карл! – загудел бородач, но все же дал усадить себя на место. – Ты мне зубы не заговаривай.

– Яне заговариваю, просто хочу сказать, что невозможно полностью восстановить картину происходящего сто, двести, а тем более тысячу лет назад. Не зная исходных данных, мы можем проводить экстраполяцию хода земной истории на цивилизацию альдебаранцев только с определенной долей вероятности. Да что там альдебаранцы! – он ткнул куда-то вверх пальцем. – Мы даже с нашей историей до конца не разобрались!

– Ну, ты скажешь, – бородач махнул рукой кибер-официанту. – Уважаемый, а повторите-ка всем нам, пожалуйста, еще по пинте темного!

– Да, мы много чего знаем в количественном, так сказать, контексте, но! – собеседник бородача опять ткнул пальцем вверх. – Никакая реконструкция, никакое количество... Можно знать, допустим количество пуговиц на мундирах гусаров Преображенского полка восемнадцатого века, но, помилуйте, если вы возьмете в руки любой череп XII или XIII века, вы увидите существенную разницу даже в тех трабекулах, то есть, костных отросточках, к которым крепятся мышцы. Какой вывод мы можем сделать? Что и мимика у людей в те стародавние времена

была абсолютно отличной от нашей. Ведь это же были грязные люди, это были люди, которые боялись приближаться друг к другу, потому что непонятны были намерения, и они очень многое обязаны были продемонстрировать друг другу мимикой. Это другая мимика радости, другая мимика покорности, это все абсолютно другое, это все не воссоздаваемо, и любой разговор об исторической достоверности является ложью и бредом!

В этот момент за окном громынуло. Несмотря на приглушенные динамики, звук снарядов перекрыл голоса спорящих в баре. Стефан будто бы даже почувствовал вибрацию пола, хотя скорее это было следствием стереоэффекта от скрытых колонок.

– О-о-о, – кто-то протянул тихим голосом. – Началось!

Витринное, от пола до потолка, псевдоокно транслировало происходящее сейчас на центральной площади Города. Стефан увидел, как толпа людей разом пришла в движение – все закричали, показывая друг другу на небо.

– Вот к тебе как раз твои горячо любимые альдебаранцы в гости и пожаловали, – как-то уж слишком нервно хмыкнул один из мужчин, обращаясь к бородачу.

Тем временем, разрезая стущающуюся темноту, в небо с земли устремились тысячи лучей от мощных лазерных излучателей. Поначалу казалось, что они хаотически мечутся по небосклону, словно играя друг с другом в «зайчики», но в какой-то момент разом остановились, высветив в вышине маленькую темную точку.

Толпа на площади загудела – люди стояли, задрав вверх подбородки. Точка быстро увеличивалась в размерах, принимая форму диска, и теперь стало заметно, что объект движется. Голубые лучи как приклеенные цепко держали пришельца в своем перекрестье.

Диск инопланетного корабля рос на глазах. Если минуту назад он был не больше божьей коровки, то сейчас разросся настолько, что заслонил собой одну из двух лун находящихся в зените. В центре диска стало заметным белое свечение.

На площадь, воя сиренами и сверкая включенными мигалками, садились тяжелые глайдеры. Толпа расступалась, освобождая для машин посадочные пятки. Люди в комбинезонах с аббревиатурой ГДЧС⁶ суеились у открывающихся пастей люков, натягивая по периметру ленточные ограждения.

В этот момент входная дверь кафе ушла в сторону, и в помещение ввалилась запыхавшаяся троика, принеся с собой шум толпы, многоголосый вой сирен и резкий запах озона.

– Ой! – симпатичная девушка лет двадцати, не пройдя и трех шагов резко остановилась. На нее, чуть не врезавшись, налетел долговязый парень. Последним, легким чуть плавающим шагом, вошел высокий широкоплечий блондин в комбинезоне армейского образца. – А что это у вас тут так тихо? – девушка заморгала глазами, привыкая к полумраку кафе.

Действительно, стоило только входной двери закрыться, как наступила гробовая тишина. После той адской какофонии звуков снаружи, Стефану и самому показалось, что он попал в склеп. Скорее всего, это был единственный на весь космопортбар с шумоизоляцией.

– Вообще-то мы как раз и искали тихую гавань, – широкоплечий блондин, любезно улыбаясь, вышел вперед. – Меня зовут Джон Маккейн, а это... – он обвел рукой своих спутников.

– Я Линда, – одарив присутствующих белозубой улыбкой, опередила его девушка, – а это Пол, – она на секунду замялась, – мой приятель.

– Пол Андерсон, – чуть нахмурившись, подтвердил парень, – специалист по кибернетическим устройствам.

– Это никому не интересно, – хмыкнула девушка и, схватив спутника за руку, потянула его к соседнему от Гарднера столику. – Если не возражаете, – она одарила Стефана кокетливым взглядом, – мы с друзьями составим вам компанию.

Стефан, не ожидавший такого напора, только развел руками.

⁶ ГДЧС – Галактический Департамент по Чрезвычайным Ситуациям.

Троица расположилась за соседним столиком. Блондин, уселся к Гарднеру спиной, мельком мазнув его оценивающим взглядом. Долговязый юноша, явно стараясь угодить девушке, подтащил к столику двухместный диван.

– Где у них тут экран заказов? – ни к кому не обращаясь, спросила Линда. – Я голодна, как беременная гризли. Последний раз мы пообедали на Эксельсиоре.

– Это же антик-кафе, Ли, – Джон Маккейн протянул девушке меню, стилизованное под кожаную папку. – Кому – как, но мне ты больше напоминаешь дикую пантеру.

– Спасибо, Джон, – заученным жестом Линда откинула с лица длинный выющийся локон. – А тут миленькое местечко.

– Отстой! – Пол скривил физиономию. – Сейчас самое интересное начнется, – он кивнул головой в сторону окна-ретранслятора. – А тут не то что Д-эффект отключен, еще и звук до нуля убавили. Говорил же вам, надо было на городскую площадь двигать!

– Какой же ты все-таки ребенок, Пол, – Линда по-матерински погладила парня по голове. – Все тебе с фотонным дезинтегратором за пришельцами гоняться. На Эксельсиоре не набегался?

– Ну а что, весело же было! – Пол разулыбался. – Зря мы отказались полетать с ребятами на «Кобре». Они-то, небось, каждый по дюжине альдебаранцев подстрелили. Точно все втопсто вошли! – завистливо протянул он.

– Именно, – легко согласилась Линда. – Даже в топ-десять, – девушка хмыкнула, – среди идиотов. Мало того, что «Кобру» они угнали из местного отдела ГСБ, так эти придурки атаковали гравитационником морскую платформу, где работала команда осветителей Буатье. Только идиот может перепутать научно исследовательское судно с псевдокосмическим кораблем пришельцев!

В этот момент к их столику подкатил официант.

– Что, молодые люди, изволите? Сегодня, специально для вас, шеф повар приготовил замечательные...

– Хочу мя-я-со! – зловеще протянула Линда. – С кро-о-вью...

– Отличный выбор, мадам! – передразнивая интонацию кибер-официанта включился в игру Пол. – Нам, голубчик, по порции говядины на кости, – он сделал вид, что задумался. – И непременно средней прожарки. А на гарнир, пожалуй, сегодня подойдет молодой картофель, знаете ли, такой с маслом и посыпанный укропчиком. Да, и еще, обязательно солененькие огурчики, – он пощелкал пальцами, словно подбирая слова. – В общем, говядину «а-ля рус».

– Сам ты «а-ля рус», – перебила его Линда. – Это пельмени бывают «а-ля рус».

– Пельмени – это «а-ля чина», – возразил Пол, – а вот борщ – это точно «а ля рус» и говядина тоже. Вроде бы.

– Что-нибудь желаете пить? – на голографическом лице кибер-официанта застыла невозмутимая улыбка. – Есть прекрасные морсы...

– Пи-и-ва! – в один голос закричали Пол с Линдой и от этого дружно расхохотались.

– Заказ принят. Две порции «рибай а-ля паризьен» и две пинты пива.

– Почему две? – Линда подняла правую бровь. – Давай на всех, – она перевела взгляд на Джона. Тот увлеченно смотрел на экран, где что-то непрерывно взрывалось, в дыму мельтешили какие-то люди, а трассирующие очереди фотонных дезинтеграторов прошивали ночное небо. Казалось, его больше ничего не интересовало, – Ау! – девушка помахала ладонью перед его лицом. – Ты тут?

– Да-да... – отмахнулся от нее Джон. – Берите что и себе.

Стефан Гарднер почувствовал, как у него начинает болеть голова, а внутри нарастает раздражение. «Не обращай внимания, – вещал внутренний голос. Молодежь развлекается, как умеет, что тут такого? Им нет дел до твоих проблем, и тебе не должно быть никакого дела

до них». Гарднер двумя глотками допил пиво. Правда, с трудом верилось, что у этой парочки вообще существовали какие-либо проблемы.

Все просто. Процедура фукамизации в младенческом возрасте явно не вызвала у них совершенно никаких осложнений. Наверняка с третьего класса занимались в секциях физического развития, мультиспорта и телостроительства. А этот блондинистый мачо, судя по всемоу его ровесник, и подавно прошел процедуру физической универсализации и супериоризации организма. По всему видно – спец. Гарднер встречал таких. Их выдавала особенная пластика движений. Нарочито медленная, тягучая. Но посвященные знали, какая мощь и реакция скрывается за этим.

Может, поэтому Гарднер не любил отдыхать на Эксельсиоре, где все пляжи кишмя кишели бугристо-мускульными мачо и бронзовокожими красавицами.

Вывел его из задумчивости резкий голос девушки.

– Ну, мы же просили три порции! – Линда в возмущении разводила руками. – Неужели не понятно, три человека – три порции.

– Простите мисс, вы сказали три человека? – лицо официанта приняло нейтральное выражение.

– Нет, железяка ты этакая! – Линда аж поперхнулась от возмущения. – Тридцать пять!

– Мы, похоже, неправильно поняли друг друга, – пришел на выручку официанту Пол. – Принесите еще одну порцию говядины, – он пошелкал пальцами у своего виска. – Как вы там сказали? Ах, да, «рибай а-ля паризьен»! – картавя на французский манер, произнес он.

– Буквально, одну минуту, – уже на ходу ответил кибер. Он явно хотел быстрее покончить с возникшим недоразумением.

– П-п-прошу п-п-прощения!

Гарднер повернул в недоумении голову. Это был сосед слева, про которого он уже благополучно забыл. Тот вылез из-за стола, очки в тяжелой оправе снял и сейчас неловко теребил в руках.

– Я сильно извиняюсь, – торопливо продолжил он. – Могу ли я на минуту включить первый канал? Я завтра отбываю на Паломник, а в какое время т-точно не знаю, – он подслеповато щурился, обводя присутствующих неуверенным, чуть детским взглядом. – По п-первому должны объявить.

– Это тот, который в системе Саваж? – неожиданно встрепенулся блондин и, резко развернув кресло на сто восемьдесят градусов, уставился на говорившего.

– Тот самый, – согласно закивал мужчина. – Точнее, та самая, в смысле, планета.

– А что за Паломник? – с интересом спросил Пол.

– Очередная пыльная дыра? – Линду явно заинтересовала неожиданная реакция блондина, до этого неотрывно пялившегося в экран.

– Ну... – мужчина интенсивнее затеребил свои очки, еще больше смущаясь от невольного внимания к своей персоне. – Не совсем такая уж и дыра...

– Эта планета земного типа, – неожиданно для самого себя пришел к нему на помощь Гарднер. – И, помимо того, что это само по себе уникально, на ней были обнаружены неопознанные археологические объекты, – он специально сделал эффектную паузу прежде чем закончить. – Большинство специалистов склоняются во мнении, что эти артефакты остатки деятельности Скитальцев.

– Скитальцев?! – в один голос протянули Пол и Линда. Что превалировало в их интонации, было трудно понять: то ли недоверие, то ли удивление. Гарднер с долей злорадства понял, что молодежь его наживку проглотила.

– Да, ладно! – первой оправилась девушка. – Вы нас разыгрываете.

– Скорее всего, это правда, Ли, – Джон Маккейн утвердительно кивнул головой. – Я тоже про это слышал. Один мой хороший знакомый был участником второй экспедиции на планету.

Входил в группу «S», – он посмотрел на Линду, словно хотел убедиться, что девушка поняла, о чем речь.

– Группа «S» обеспечивала безопасность, – на всякий случай все же пояснил он. – Так вот, приятель рассказывал, что там нашли какие-то пирамиды и что они по периметру от полюса до полюса, через равные промежутки опоясывают всю планету. Для чего они строились, точно никто не знает, но вроде как ученые склонялись во мнении, что это своего рода накопители энергии. Типа, замкнутого контура, – он пожал плечами. – Только в масштабе планеты.

– О, как! – воскликнул Пол. В глазах юноши читался неприкрытый интерес. – Только странно, что по новостям это не проходило. Я бы точно такое не пропустил!

– А, что, – произнесла Линда. – Было бы интересно туда смотаться на пару дней. Уж лучше, чем по третьему разу, – она мотнула головой в сторону экрана, – эту мурню смотреть.

– А вот с этим, к сожалению, у вас ничего не выйдет, – елеинным голосом произнес Гарднер и, дождавшись, когда все повернут к нему головы, закончил, – планета на карантине.

– А вы-то, откуда знаете? – с недоверием оглядел его Пол.

– Я-то как раз лечу на Паломник по служебной необходимости, – он поднялся из-за стола и церемонно представился. – Стефан Гарднер, Бюро журналистских расследований.

– О! Так вы тоже на Паломник? – всплеснул руками близорукий посетитель кафе. Стефан даже на секунду испугался, что тот на радостях запустит свои очки в потолок. – П-п-позвольте представиться, – мужчина с необычайной сноровкой выбрался из-за стола и уже протягивал ладонь для рукопожатия, – Джеймс Донован, астробиолог.

Они пожали друг другу руки.

– Прошу вас, присаживайтесь, – рукопожатие нового знакомого понравилось Гарднеру. Он терпеть не мог потных ладоней, или когда твою кисть сжимают, точно эспандер. – Я, правда, уже собирался уходить...

– Да-да, – Джеймс согласно кивнул, присаживаясь на самый край кресла, – я тоже. Давайте толькождемся, когда объявят точное время отправки. Я навел справки, – он заговорщицки подмигнул Стефану, – путь до Паломника займет ровно две недели. Так что, еще успеем наговориться.

Они посидели еще минут пять, обмениваясь ничего не значащими фразами, когда на экране, висащем над барной стойкой, побежала информационная строка: ПЛАНЕТАРНЫЙ ШАТТЛ «СТРЕКОЗА» – РЕЙС: «ПИФАГОР»-ПАЛОМНИК – ОТБЫТИЕ 17.11 в 13-00 – ВЫХОД 9.

Первым покинул бар астробиолог. С трудом впихнув планшет в набитую доверху сумку, стилизованную под старинный кожаный саквояж, он пожелал всем доброй ночи и скрылся за раздвижными дверьми.

Выдержав для приличия пару минут, Гарднер направился следом. Уже в дверях он обернулся и помахал оставшимся рукой. На самом деле это было ни к чему. Одни оживленно спорили, другие с отсутствующим видом поглощали пищу, большинство же увлеченно смотрело на экран. Никому до него не было дела. Только спортивный блондин кивнул в ответ головой, проводив его долгим внимательным взглядом.

Спейс шаттл «Стрекоза»

Серийный номер: SA/1578-343F

Дислокация: Сектор Z-1. Планетная система Саваж.

Маршрут: «Пифагор»-Паломник

Корабельное время: День второй, 19-00

Сигнал вызова в кают-компанию застал Гарднера в библиотеке. Стефан поднял взгляд на настенный циферблат: – «Да, время ужина». Он с наслаждением потянулся, потер уставшие глаза и выключил монитор корабельного информатория.

А вот так вот выключить мысли не получалось. Он, который час, изучал отчеты экспедиций с Паломника, но объем вопросов от этого не уменьшился, а наоборот только возрос. Какая уж тут работа, земляне тыкались в проблемы и загадки, как слепые котята в глухую стену. И если экзозоологи и астробиологи достигли некоторых успехов в изучении местной флоры и фауны, то остальной так называемый технический состав, по большому счету топтался на месте.

Что за цивилизация побывала здесь? Куда она исчезла? Что означают эти циклопические постройки, расположенные на равных расстояниях друг от друга и опоясывающие, словно обруч, планету? Вопросы, вопросы и еще раз, вопросы.

Когда Стефан поднялся в кают-компанию, все были уже в сборе. Во главе большого стола, как и положено капитану, занял место Сэмюель Томсон. Это был крупный мужчина, как говорится, поднять глайдер голыми руками для него – пара пустяков. По левую руку от него сидел кибернетик – Владимир Кузнецов, которого все почему-то звали Смитти. О таких говорят-душа компании. Он постоянно сыпал шутками, рассказывал забавные истории, по добромуду подтрунивая над собой и собеседниками. Больше всех доставалось специалисту по связи, Пьеру Готье. Было видно, что они давно знакомы и даже дружны, однако импульсивный Пьер часто попадался на его подколки, начиная невпопад оправдываться, чем еще больше раззадоривал приятеля.

Все пили кофе, пока корабельный синтезатор готовил яйца, ветчину, тосты, приправу и витаминные добавки. В обществе этих людей Стефан чувствовал себя комфортно и даже замкнутый по натуре астробиолог Джеймс Донован разговорился. Стефан не застал начало разговора, но, скорее всего, обсуждалась биологическая жизнь на Паломнике и следом, как это часто бывает, разговор свернул в сторону, перейдя к первоначальной концепции зарождения жизни во Вселенной.

При обычном, бытовом общении Донован имел привычку заикаться, однако стоило ему начать что-то увлеченно рассказывать, как заикание моментально исчезало. Вот и сейчас, отложив в сторону очки, он с жаром продолжал:

– Вообще надо понимать, что жизнь – это всегда всего-навсего вопрос условий. Вопрос того, насколько та или иная планета приближена или отдалена к своей звезде, которая обеспечивает основную массу энергетических потоков для того, чтобы жизнь зародилась. Жизнь, ведь, вообще штука неизбежная, автоматически возникающая при наличии определенного количества химических элементов.

– Неизбежная? – с сомнением протянул Пьер. – Что-то я не часто встречал планеты пригодные для жизни.

– Эх! – несколько разочарованно выдохнул Донован и посмотрел на Пьера взглядом учителя, вынужденного объяснять очевидные вещи нерадивому ученику. – Что такое жизнь вообще по Берналу? По Берналу это постоянная самореализация сложных электронных состояний атомов, да? То есть, жизнь неизбежна там, где есть достаточное количество энергии, где есть жидкая вода, где есть химические элементы – а они едины для всей Вселенной – там в той или иной степени неизбежна жизнь, – он снова посмотрел на Пьера. – Другое дело, что она может быть в каких-то очень развитых формах, а может быть еще в формах, скажем так, примитивных.

– Ну, это мы еще в школе изучали, – встал на защиту друга Владимир и с пафосом произнес: – Молодая Земля – кузница жизни, родина Человечества!

– Правильно! – не заметив иронии, продолжал Донован:

Но, опять-таки, Владимир и Пьер, поймите, братцы, ведь Земля, конечно, была сказочным местом где-то четыре миллиарда лет тому назад, потому что и урана, и тория, и всяких трансуранов было гораздо больше, чем сейчас, потому что все эти элементы – мощные радиоактивные элементы, они были молоды и еще не прошли период распада и полураспада. Были

постоянные метеоритные бомбардировки, море было совершенно другим, там были другие уровни кислот...

– Да, – протянул Кузнецов, – странное у вас представление о прекрасном.

– Да, да, именно! Это была такая грандиозная химическая лаборатория, где ежесекундно свершались миллионы и миллиарды химических реакций, и, разумеется, в результате их получились аминокислоты, разумеется, в результате их возникла дезоксирибонуклеиновая кислота, которая в свое время, пока она еще не имела этих золотых эполетов, командующих всей биологической жизнью, она была просто одной из тех кислот, которые породил первоначальный химизм, – у Донована пересохло во рту, и он с шумом глотнул холодного кофе. – Но это было феноменальное по красоте и по сказочности время, потому что все время лопалась тонкая земная кора, вырывались огромные массы горячего раскаленного водорода, водород вступал во взаимоотношения с трансуранами, возникали локальные ядерные взрывы, дополнительное облучение, энергетизирование, и мы, наконец, получили аминокислоты.

Донован обвел всех присутствующих торжественным взглядом, будто в этом была его личная заслуга:

– А, как известно любому школьнику, – тут он посмотрел на Кузнецова, – Аминокислоты довольно легко складываются в сложные, скажем так, конструкции, предбиологические, и вот чтобы вы, милые мои интеллигенты, раз и навсегда поняли, до какой степени ничтожна эта грань. Ведь людям кажется, что жизнь – это травка, коровки, пасущиеся на лугу. Медузы, там. Рыбки, в конце концов, – он поднял очки и посмотрел сквозь толстые линзы на светящийся ровным светом потолок кают-компаний. – Нет, на самом деле любое взаимоотношение атомов и любые, даже внутриатомные события – это уже жизнь.

– С определенной долей вероятности, наверное, – Пьер пожал плечами и интенсивно принялся пережевывать витаминный концентрат.

– Ну, как же! Возьмите клетку, да? Она же состоит, – астробиолог прокашлялся, – это явно живая вещь. Вот с вашей точки зрения, да? Но эта клетка полностью и целиком состоит из химически реактивных механизмов теоретически абсолютно не живых...

– Теория абиогенеза Опарина? – решил поучаствовать в разговоре Гарднер.

– ...ничего кроме химических событий в ней не происходит. Результат – живая жизнь, – закончил Донован и несколько удивленно взглянул на Стефана. – Не ожидал тут встретить человека знакомого с древними трудами основоположников Теории Жизни, – он явно утратил интерес к Готье и Кузнецову и переключился на Гарднера. – А вы представляете, как классикам было тяжело? Они творили в то время, когда только-только стали появляться факты о существовании планет, пригодных для биологической жизни. И только спустя столетия, мы – земляне, живущие, так сказать, на обочине весьма провинциальной галактики, сумели-таки добраться до этих экзопланет и найти там жизнь! – Донован торжественно поднял над головой указательный палец. – И мы, наконец, получили блистательное подтверждение великих теорий абиогенеза, как вы правильно сказали, того же самого Александра Ивановича Опарина, Джона Бёрдона Сандерсона Холдейна, Бернала – всех тех великих изумительных людей, которые положили свою жизнь и судьбу на доказательства того, что жизнь во Вселенной возникает естественным путем в результате химической эволюции. Вот что мы получили. Мы получили великий козырь здравомыслия, над мракобесием.

– Донован, – Стефан задумчиво посмотрел на астробиолога, – вот все-таки такой вопрос, как к специалисту: небιологическая жизнь, она существует? Или это все же к разряду диалектики?

Донован потер переносицу и, поведив очками по столу, сказал:

– Зовите меня Джеймс, – он улыбнулся. – Как вам сказать, Стефан. Я думаю, что... Нет, я убежден, что, любое, даже на квантовом уровне, все, что происходит в атоме – это уже жизнь, потому что это движение, это реакция, это сложные взаимодействия, это переходы из одних

состояний в другие, это уже жизнь. В своем развитии, в результате эта жизнь приобретает иные формы.

– Псевдокристаллы с планеты Призрак?

– А что, хороший пример, – Донован водрузил очки на переносицу. – Некоторые мои коллеги пошли еще дальше, – он задумчиво пожал плечами.

– Кое-кто, и заметьте не безосновательно, считают их разумными. С определенной допустимостью. Ну, вы понимаете? – астробиолог негромко кашлянул. – Понятие разумности в таких эмпириях весьма расплывчато.

– Не знаю, про какие кристаллы вы тут говорите, – вынимая из синтезатора горячие сэндвичи, сказал Владимир, – но то, что твари, населяющие Паломник неразумны, это точно. Прут на огнемёт, пока всех не поджаришь, или пока горючее не закончится. У них не то, что разума, инстинкт самосохранения отсутствует напрочь. О, черт! – замахал он рукой. – Горячие!

– Кузнецов принялся смешно дуть на палец.

Все заулыбались. Владимир сделал смешное лицо и с чувством продекларировал:

Ты смейся, смейся надо мной,
Пускай часы пройдут и годы,
Любовь моя умрет со мной,
Мне не нужна другая.

Все хором заплодировали, а Пьер торжественно воскликнул, прижимая ладонь к сердцу: **Но, mon Dieu, g'est magnifique!**⁷ Я обязательно процитирую этот шедевр моей Еве, – он подмигнул присутствующим, – если ты, конечно не возражаешь.

– Пользуйся, пока я жив, – благосклонно кивнул Владимир и принялся обходить стол, раскладывая всем на тарелки сочные сэндвичи. Томсон тем временем разливал по чашкам новую порцию свеже сваренного кофе.

– И, все же, – с набитым ртом спросил Гарднер. – Что с этими пирамидами, удалось что-то выяснить?

– Полнейшая неразбериха, – Томсон поставил кофейник на стол. – Топчемся на одном месте. «Стрекоза» патрулирует пространство около Паломника. Карантин, понимаешь! Словно ждем, что к нам кто-то заявится в гости.

– Не в гости, а домой, – поправил его Пьер. – Это мы гости, да еще незваные.

И тут же круто изменил тему разговора: – Скажите, Стефан, какие новые имена в моде сейчас на Земле? У меня скоро появится дочка, обязательно дочка. Ева хочет назвать ее Сеной. А я не знаю, мне кажется, Ирен для девочки звучит намного лучше.

Спейс шоттл «Стрекоза»

Серийный номер: СА/1578-343F

Дислокация: Сектор Z-1. Планетная система Саваж.

Маршрут: «Пифагор»-Паломник

Корабельное время: День третий, 18–45

Гарднер вышел из тренажерного зала и направился в сторону душевых. Тело приятно ломило после физических нагрузок. Сегодня он решил не жалеть себя и выложился по полной. Сделав несколько шагов по коридору, Стефан увидел идущего ему навстречу Пьера. Тот был явно расстроен и, поравнявшись с Гарднером, недовольно бросил:

– Лентяи.

– Что-нибудь случилось? – спросил Стефан, не понимая, о чем идет речь.

⁷ О, мой Бог, это великолепно! (фр. яз **Но, mon Dieu, g'est magnifique!**)

– Не хотят раньше графика связаться с нами по лучу. Ни за что не поверю, что Еве нечего сказать мне. Лентяи, – повторил он. – И точка! Обленились уже донельзя! Ладно, когда патрулируешь пространство, это бывает. Но ведь мы идем после встречи с «Пифагором»! Они же там сейчас должны минуты считать, – он горестно вздохнул и закончил: – Это ж надо же!

– Когда должна быть связь?

– Через три часа. Какая им разница? – он передернул плечами. – Меня трясет от злости. Видишь? – Стефан кивнул, хотя вид у связиста был вполне нормальный. – Три часа буду лежать и не подойду к передатчику. Пусть хоть усигналятся! Не подойду, и все!

Это было сказано с такой убедительностью, что Стефан невольно подумал: Пьер не выдержит и пяти минут. Готье направился в раздевалку, видно решил выместить все свое недовольство на силовом тренажере, а Стефан решил после душа подняться в командную рубку. Делать было все равно нечего.

Сэмюель Томсон занимался какими-то вычислениями. Продолжая вводить данные в центральный компьютер, он молча кивнул Стефану, как бы приглашая его занять кресло второго пилота. Тот сел и уставился в обзорный экран, но, сколько бы он ни смотрел, найти Паломник на фоне ярких звезд так и не смог. Стефан, по-видимому, задремал, так как вдруг услышал шум голосов. Пьер сидел за коммуникатором, повернув голову к командиру. На лице его было страдальческое выражение. Он сказал:

– Связи нет.

– Что там у тебя произошло? – спросил Томсон и, обойдя пульт управления, подошел к связисту.

Стефан подумал, что все это время он надеялся, не признаваясь себе, что Тамара, может быть, захочет с ним поговорить. Он принялся искать несуществующий заусенец на пальце, боясь, что его чувства слишком заметны для посторонних.

– Нет связи, Сэм, – чуть дрогнувшим голосом повторил Пьер.

– Спутник-транслятор проверил?

– Проверяю, – Пьер щелкнул каким-то тумблером, – запрос отправил. Ожидаю отклик через... – он придвинулся к экрану, – через девяносто пять секунд.

– Флуктуация? – по лицу капитана трудно было что-то понять.

– В норме, – Пьер взял себя в руки. – Электромагнитный фон Саважа в норме.

Он откинулся в кресле: – Все тихо и спокойно, как в... – Пьер, видимо, хотел сказать «как в гробу», но в последний момент удержался.

– Когда второй контрольный выход на связь?

– Почти через шесть часов.

– Вызови Владимира, пусть в ручном режиме проверит настройки коммуникатора, – капитан говорил спокойно. – Вполне возможное дефокусирование луча.

Стефан почувствовал, что сейчас он здесь лишний. Не говоря ни слова, вылез из кресла и направился к выходу. Двери рубки с шипением закрылись за спиной. Его так никто и не окликнул.

Спейс шоттл «Стрекоза»

Серийный номер: СА/1578-343F

Дислокация: Сектор Z-1. Планетная система Саваж.

Маршрут: «Пифагор»-Паломник

День четвертый

Корабельное время: 01–05

Между занавесок пробивались робкие лучи Солнца. Черные локоны Тамары приятно щекотали плечо. Стефан осторожно повернул голову и, не удержавшись, закопался лицом в густую копну волос. Жена не спала. Он почувствовал, как нежно, но требовательно скользнула

ее ладонь по его бедру. Стефан уже не сдерживаясь, рывком развернул ее к себе, целуя поочередно глаза, подбородок, быстро пульсирующую вену на шее. Тамара сладко охнула, ее горячие губы, что-то шепча, нашли его, и время для Стефана остановилось.

Откуда-то издали доносилась навязчивая мелодия. Стефан не сразу сообразил, что это пикирует сигнал вызова. Пошарил справа от себя рукой и окончательно проснулся. Тамары не было.

Над дверью светился экран визора. В коридоре, переминаясь с ноги на ногу, стоял Джеймс Донован. Даже через экран Гарднер ощутил его неловкость за непрошенное вторжение.

– Одну минуту, Джеймс! – голос получился хриплым, и Стефан прокашлялся:

– Одеваюсь и выхожу!

Гарднер спрыгнул с кровати, нашарил в полумраке комбинезон и принялся торопливо одеваться.

– П-прости, Стеф, – Джеймс придвинул лицо вплотную к экрану визора, – Томсон попросил зайти за тобой. Они п-пытались вызвать тебя, но ты не отвечал.

– Все в порядке, – Стефан коснулся сенсорной панели, и дверь распахнулась.

– Прилег на часок и вырубился. Давно такого не припомню.

– Ну, что там? – задал беспокоивший всех вопрос Гарднер, когда они были уже у лифта.

– Паломник не отвечает. Там что-то п-произошло.

У Стефана захлестнуло сердце. В полном молчании они поднялись в рубку.

Пьер Готье был бледен, Сэмюэль Томсон неестественно спокоен. Владимир Кузнецов сидел в кресле и устало вглядывался в дрожащие показатели дисплея коммуникатора.

Нарушил молчание астробиолог:

– Что там могло произойти? Прохождение радиоволн...

Кузнецов оторвался от коммуникатора и сказал:

– С прохождением все нормально. Луч стабилен. Маяк Центральной прослушивается хорошо. Но маяк – автомат.

Наступила тишина.

– А на местных волнах? – подал голос Стефан.

– Ничего, – Пьер наклонился над пультом и отметил что-то в электронном рапорте. – Тишина на всех частотах. Если кто-то и разговаривает там внизу, то только с помощью дыма костров или тамтамов. Если исключить помехи от местного солнца, электромагнитный спектр Паломника чист.

– А вы уверены, что со спутником все в порядке?

– Я проверил, – откликнулся Владимир, – он в полной исправности.

– Подтверждаю, – кивнул головой Пьер. – Час назад получили шифровку с Земли. Она прошла через наш орбитальный спутник. Это еще раз доказывает исправность спутниковых систем связи, – он сделал паузу и закончил. – Значит дело в другом.

– Выходит, что-то произошло на поверхности Паломника, – тихо произнес Донован. Он озвучил общую мысль, которую другие боялись произнести вслух.

Никто ему не возразил.

– Что предпримем? – спросил Гарднер.

– Я сделал кое-какие подсчеты, – сказал до этого не принимавший участие в разговоре капитан. – Если идти с ускорением, то будем на орбите через тридцать шесть часов, против десяти суток обычного режима, – он помолчал.

– Однако противоперегрузочные системы «Стрекозы» не смогут полностью компенсировать ускорение. Сэмюэль с сомнением посмотрел на стоящих в сторонке Гарднера и Донована: потянут ли? – Ощущаемые перегрузки до трех же и даже чуть больше. Будем идти на пределе, даже если кто-нибудь потеряет сознание.

Гарднер похолодел. Постоянные трехкратные перегрузки в течение тридцати шести часов. Выдержит ли его организм? Он сжал зубы. Нет, никакая сила не заставит его показать свою слабость.

– Возражений нет, отлично, – чуть быстрее, чем того требовали обстоятельства констатировал Томсон. – Запускаю отсчет, – он наклонился над пультом и ввел семизначный код капитанского допуска.

– Готовность через пятнадцать минут, – откуда-то с потолка раздался ровный женский голос. – Прошу всех членов экипажа и пассажиров пройти в амортизационный отсек.

В глубине командной рубки открылся проход. Вспыхнувшие с небольшой задержкой лампы дневного света озарили просторный зал с рядами амортизационных ложементов.

– Пройдите к активированным капсулам, – продолжал вещать женский голос. По команде искина корабля, синхронно поползли в сторону полупрозрачные колпаки ложементов в первом ряду.

Джеймс подергал Гарднера за рукав.

– На-ка, д-д-держи, – чуть заикаясь, шепотом произнес он, протягивая ему руку. На раскрытой ладони лежала коричневая таблетка.

Стефан вопросительно взглянул на Донована.

– Это стимулятор, – смущенно объяснил тот. – От всего помогает. Я без него в космос ни ногой!

– Что за черт! – впереди раздался удивленный возглас Томсона. – Зачем ты активировала семь капсул? Нас же пятеро?

– На борту корабля находятся три члена экипажа и четверо пассажиров – невозмутимо произнес женский голос.

Все недоуменно переглянулись, и в этот момент в командную рубку ввалились запыхавшиеся от быстрого бега люди.

Стефан узнал их сразу.

– Что происходит? – вместо приветствия срывающимся голосом прохрипел Пол Андерсон.

– Это вы меня спрашиваете?! – с ударением на «вы» пророкотал Томсон. На его мгновенно побагровевшем лице заходили желваки. – Кто вы такие? Черт побери! Как вы вообще тут оказались?!

– Мы услышали оповещение срочно явиться в командный пункт. – парень перевел дух и наконец договорил: – и вот мы здесь.

– Все ясно, Сэм, – устало произнес Пьер. Он первым разобрался с ситуацией.

– Эти дегенераты тайком проникли на корабль. Я видел, как эта троица крутилась перед стартом у погрузчиков.

– До готовности семь минут, – объявил женский голос.

– Черт бы вас всех побрал! – выругался Томсон. – Вы что не знали, что планета под карантином?

– Мы что-то такое слышали, – плавной походкой вышел вперед блондин. – Хотели спросить вас подробнее. Прошли, заметьте, не скрываясь, через центральный шлюз корабля и, вуаля! Мы здесь.

От Гарднера не ускользнули взгляды, которыми обменялись кибернетик с капитаном. Кто-то из них не удосужился включить систему запрета на корабле.

– Так! – лицо Сэмюэля вновь начало наливаться кровью – хватит паясничать! Я, командир «Стрекозы», официально уведомляю вас всех – он метнул тяжелый взгляд на притихшую троицу. – На планете действует карантин третьей категории. Подконтрольный мне корабль приписан к космодрому Паломника, а это значит, что карантин также распространяется и на него.

Томсон быстро прошел к пульту управления и, открыв один из встроенных в боковую панель ящиков, вытащил из него предмет, похожий на старинную книгу в толстом кожаном переплете. Щелчком открыл магнитный замок и заученными движениями принялся листать пожелтевшие от старости страницы.

– Так, – он нашел то, что искал, – а теперь давайте, что называется, «под пот, – кто, в чем и насколько виноват. А разбирательство будет непременно! Это я вам со всей категоричностью обещаю. – он перевел дух и продолжил: – Слушайте меня внимательно. Зачитываю! – капитан принялся читать, для убедительности водя пальцем по строкам: – Требования Корабельного устава Военно-Космического Флота обязательны для всех экипажей кораблей, в том числе и для размещенных на стационарных космопортах и планетарных орбитах, а также для всех лиц, – он вновь оглядел троицу, – временно пребывающих на корабле. – Томсон перелистнул еще несколько страниц. – Так, вот оно. Слушайте и запоминайте: – Глава пятая. Основные обязанности должностных лиц. Параграф сто тридцать два. Командир корабля является прямым начальником всего личного состава корабля, а также для всех лиц, временно пребывающих на корабле. Он является единоначальником и отвечает... Так, дальше уже не про вас, – он захлопнул книгу. – Вопросы есть?

– Никак нет! – Джон Маккейн молодежато козырнул, ухитрившись при этом еще и щелкнуть каблуками.

– До входа в аварийный режим осталось три минуты. Всем срочно занять капсулы жизнеобеспечения. – женский голос был спокойным, уверенным и искусственным.

Это подействовало отрезвляюще.

– У нас ЧП, все объяснения после, – Томсон взял себя в руки и скомандовал: – За мной!

Они вбежали в амортизационный отсек, на ходу скидывая с себя одежды. Гарднер краем глаза заметил, что Линда на секунду замешкалась, прежде чем стянуть облегающий ее стройную фигуру комбинезон. Ничего не поделаешь – провести тридцать шесть часов в капсуле, да еще и при трехкратном ускорении... Гарднера передернуло от предстоявшего испытания. Он вспомнил о таблетке Джеймса и без колебания сунул ее под язык.

– Активируй немедленно восьмой ложемент! – Гарднер был уже в своей капсуле, когда до него донесся голос Томсона. Только сейчас Стефан сообразил, что людей на корабле было восемь, а искин привел в действие только семь амортизационных капсул. – Долбаная электронная машина! Владимир, это по твоей части, уволью по прибытию!

Гарднер приподнялся на локте. Совершенно голый Пол Андерсон растерянно переминаясь с ноги на ногу. Справа что-то тренькнуло. С соседнего от Гарднера ложемента пополз в сторону полупрозрачный колпак. В изголовье вспыхнул зеленый глазок индикатора. Парень опрометью бросился к нему, неловко скользя босыми ногами по матовой поверхности пола.

– Все системы жизнеобеспечения активизированы. До входа в аварийный режим минутная готовность. Даю обратный отсчет: пятьдесят девять, пятьдесят восемь, пятьдесят семь...

Полупрозрачный колпак надвинулся на Гарднера с чавкающим звуком, отрезав от окружающего мира. Секунду спустя перед глазами засветилась контрольная панель. Чуть ниже зажглись семь маленьких экранов. Гарднер увидел знакомые лица их небольшого экипажа. Нахмурившийся Томсон, озабоченно выглядевший Готье. Неунывающий Кузнецов, похоже, что-то беззвучно насвистывал. Вероятно, Донован нечасто пользовался противоперегрузочным ложементом. На лице астробиолога застыло удивление, а на экране крупным планом мелькал указательный палец Джеймса, тыкавший во внутреннюю обшивку. Андерсон елозил на своём месте, видимо, никак не мог приспособиться. Линда казалась задумчивой, и только экран, который должен был транслировать изображение Маккейна, выдавал какую-то расфокусированную картинку. Под каждым экраном высветились индивидуальные показатели человека: пульс, спирограммы, кардиограмма, рециркуляция в легких и еще какие-то данные. Этой информации было вполне достаточно, чтобы составить представление о здоровье владельца.

– Парень, не вертись, – недовольным тоном произнёс Томсон.

– Вы мне? – поинтересовался Пол.

– Тебе-тебе, – вместо капитана отозвался Кузнецов. – Шило в одном месте. Как, скажи на милость, ложемент подстроится под параметры твоего тела, если шевелиться всё время? Нору себе решил там задницей вырыть?

– Неудобно тут... тесно...

– Так зачем ноги-то поджимать? – Кузнецов едва сдерживал смех. – Вытянись во весь рост и замри. Хотя полную телеметрию с твоего ложемента увидим, а то половина датчиков вхолостую пашет.

– Вон, у Маккейна вообще ничего не пашет, – огрызнулся Андерсон. – А претензий к нему никаких.

– Тут другим людям претензии нужно предъявлять, – нараспев произнёс Томсон. – Правда, Смити?

– Не, ну бывают иногда неполадки, – стал оправдываться Кузнецов. – Некритичные. Сам ложемент в полном порядке. Маккейн, слышишь меня? Как самочувствие?

– Нормально... – сдавленным голосом отозвался Джон. – Засунут живого человека в гроб, а потом ещё спрашивают, как он себя чувствует...

– ...три, два, один, старт, – досчитал механический голос, и Гарднер почувствовал, что его начинает вдавливать в кресло. Антиперегрузочная система «Стрекозы» могла компенсировать двадцатикратное ускорение, но сейчас предполагалось превысить этот порог. Стефан вспомнил, что накануне, когда еще не было точно известно о проблеме со связью, Сэмюель Томсон что-то колдовал на вычислительной машине. Похоже, что он уже тогда рассматривал такую возможность. Скорее всего, если бы на «Стрекозе» не было бы гражданских, Стефан криво улыбнулся, то сейчас экипаж бы шел с гораздо большим ускорением. У каждого были на то веские причины. На Паломнике оставались их близкие люди. Стефан сглотнул горький комок-перегрузка неумолимо росла.

Он взгляделся в лица экипажа и только сейчас заметил, что они переговариваются между собой. Губы шевелились, Владимир Кузнецов еще ухитрялся улыбаться. Гарднер с натугой вытянул руку и ткнул пальцем в перечеркнутый значок звука. Капсула тотчас же наполнилась голосами. Поморщившись, он уменьшил громкость.

Обсуждалась ситуация, сложившаяся на Паломнике. Точнее, что могло произойти с людьми на планете. Испортился передатчик? Но за это время его сто раз могли отремонтировать. Прорвался свамп? Это было маловероятным, но возможным. Других объяснений просто не приходило в голову.

– Это мог быть только свамп, – сказал Кузнецов.

– С баз оказали бы им помощь, – не то возразил, не то поддержал Пьер.

– Они могли эвакуироваться с Центральной на какую-нибудь базу, – предположил Кузнецов.

– Нет, – едва разжимая рот, сказал Томсон. – APS, конечно, опасная среда, но не настолько, чтобы создать глобальные проблемы. Что-то другое...

Непомерная тяжестью налилось тело. Стоило больших усилий, чтобы пошевелить пальцем или удержать подбородок. Челюсть все время отвисала. Под глазами появились мешки. В голове у Гарднера зашумело, откуда ни возьмись, накатила страшная сонливость. Он догадался, что начала действовать чудо-таблетка астробиолога. «Интересно, а как я выгляжу со стороны?» – это была его последняя мысль перед тем, как впасть в забытие. Следом накатилась новая волна перегрузок, но он этого уже не почувствовал.

* * *

Гарднер очнулся через восемнадцать часов. Ужасно хотелось пить. Система жизнеобеспечения капсулы услужливо придвинула к его губам мундштук с витаминным коктейлем. Напившись, Гарднер осмотрел экраны других членов экипажа. Выглядели все неважно. Красные от полопавшихся капилляров глаза, отечные лица, темные мешки под глазами. Экран Линды был и вовсе отключен. Стефан бросил взгляд на ее индикаторы здоровья. Все показатели были в зеленой зоне. Гарднер улыбнулся. Женщина в любой ситуации оставалась женщиной.

А затем началось торможение. Еще восемнадцать часов с тройными перегрузками. На протяжении всего полета связь с Паломником установить так и не удалось.

Спейс шоттл «Стрекоза»

Серийный номер: СА/1578-343F

Дислокация: Сектор Z-1. Планетная система Саваж.

Местоположение: 384 467 км до планеты Паломник

Корабельное время: 19–55

Гарднер сидел в открытой капсуле, не до конца веря, что этот сумасшедший марш-бросок закончился. Тело было ватным, сердце заходило в бешеном ритме. Сдавленные длительной перегрузкой легкие отзывались обжигающей болью от маломальского вздоха. Кто-то справа от него закашлялся. Стефан повернул голову. Владимир Кузнецов прыгая на одной ноге, уже натягивал свой летный комбинезон.

– Эй, Пьер, – заорал он в сторону только что открывшейся капсулы, – ты выглядишь не лучше, чем я себя чувствую.

После длительной паузы из капсулы последовал ответ:

– Зато я чувствую себя лучше, чем ты выглядишь.

– Даю полчаса для приведения себя в порядок, – басом пророкотал Томсон. Его могучий торс лоснился от пота. – Я собираюсь в самое ближайшее время посадить «Стрекозу» на Центральной. – Ни на кого не глядя, капитан направился в сторону душевых. Экипаж и пассажиры, не сговариваясь, потянулись за ним.

* * *

В командной рубке стояла тишина. Паломник в обзорном экране был похож на огромный арбуз, занимающий четверть экрана. Гарднер скосил глаза. По правую от него сторону в пилотских креслах расположились Линда и Пол. Молодёжь притихла и выглядела подавленной. То ли тридцать шесть часов тройной перегрузки так на них подействовали, то ли информация о возможном ЧП на Паломнике, сообщенной капитаном. Астробиолог что-то рисовал на своем планшете, а может и печатал, или строил графики. С такого расстояния трудно было разглядеть. Джон Маккейн, сбросив дурацкую маску «крутого мачо», выглядел собранным и спокойным.

Судя по отрывочным сведениям, составленным из разговора между Линдой и Полом, Маккейн прослужил пять лет в Галактической службе по чрезвычайным происшествиям. По причине, о которой Джон предпочел умолчать, три года назад перевелся на гражданку и работал теперь в группе геологоразведчиков на одном из спутников планеты Призрак. На Эксельсиоре, где проводил отпуск, познакомился с Полом и Линдой. Молодые люди как раз получили утвердительное решение о включении их кандидатур в Группу Свободного Поиска и собирались лететь на Плутон, где их уже ждал «Кузнечик» – четырехместный серийный челнок

класса «Е». Но случайная встреча в кафе космопорта внесла коррективы в их планы. Ребята решили, что Плутон может и подождать, а возможность проникнуть на планету, находящуюся под карантином, вряд ли когда им еще представится.

«Любопытство сгубило кошку», – пробормотал Гарднер. Получилось мрачновато и он все-же закончил пословицу, – «но, удовлетворив его, она воскресла».

Центральная располагалась на самом экваторе. «Стрекоза» приближалась к ней со стороны северного полушария, затянутого полупрозрачной дымкой. Эта дымка, казалось, состояла из искусственных радужных колец, параллельных широтам Паломника. До поверхности оставалось около пяти тысяч километров, до базы – около семи.

Пьер увеличил громкость динамиков связи. Было заметно, что он нервничает. Рубку заполнило потрескивание. Ни одного структурированного сигнала, не говоря уже об обрывках фраз или позывных. Казалось, что всю планету окутал «белый шум».

Гарднер сжал зубы. Все избегали говорить на эту тему. Может виной были отзвуки древних суеверий, когда о плохом старались лишний раз не упоминать, «чтобы не сглазить», или людьми руководил трезвый расчет-незачем умножать сущности сверх необходимости? Чтобы правильно оценить ситуацию, требовались факты. И только тогда стоило принимать правильные решения. Пока же у них были догадки. Но все понимали – молчание колоний на Паломнике не могло быть случайным. Люди любят поговорить, а колонисты – особенно. Добровольно они не прекратили бы все разговоры.

– Может, стоит выслать разведзонды? – спросил вдруг Маккейн. Его вопрос повис в воздухе. – Параграф триста два Устава звездоплавания, – также не обращаясь ни к кому конкретно, напомнил он.

– К черту! – не выдержал Томсон. – Мы и так нарушили все инструкции, когда гнали корабль в аварийном режиме, – он шарахнул кулачищем по приборной доске с такой силой, что Гарднер всерьез испугался. Кевларовое покрытие могло и не выдержать такого удара. – Три дня на орбите? В полном неведении?

– Может, сделаем хотя бы один контрольный виток в стратосфере? – Маккейн не сдавался.

– «Стрекоза» шаттл, а не атмосферник, – видно было, что Сэмюэль колеблется. В словах Джона был здравый смысл, тем более что в сложившейся ситуации инструкция прямо требовала именно этого. – К черту!

Капитан сделал свой выбор: – Через сорок минут будем на Центральной.

Корабль начал снижение.

– Внимание! – включился в работу инженер-кибернетик. Владимир, как заправский пианист, пробежал пальцами по клавишам панели управления. – Переходим к последнему маневру. Включаю геосинхронизацию.

Томсон и Пьер следили за показаниями приборов. Скорость увеличилась. Некоторые невольно сжали губы. Когда входили в атмосферу, никто не произнес ни слова.

Издалека облака Паломника казались безобидными и даже красивыми, но сейчас они подавляли. Их серые клубящиеся потоки неслись в безумном танце, вскипая у вершин безжизненных гор, скрывая от любопытных взоров свою планету. Поверхность можно было увидеть лишь с помощью термовизоров и других специальных приборов.

Подпрыгнув в воздушном потоке, «Стрекоза» дернулась всем своим многотонным корпусом. Амортизационные кресла, мгновенно видоизменившись, плотно обхватили тела людей. Ледяным голосом Томсон объявил, что они попали в воздушную бурю.

И вдруг началось что-то странное. Первым это заметил Сэмюэль, чувствовавший малейшие вибрации своего корабля. Нос «Стрекозы» начал медленно задираться вверх. И сразу же начались перегрузки, корабль резко снижал скорость. Он не подчинялся ни воле человека,

ни искина, ведущего его на автопилоте. «Стрекоза» словно вдавливалась в мягкую, пористую резину, сжимая ее точно гигантскую пружину.

Заревела аварийная тревога, но Томсон уже тянул на себя штурвал ручного управления, опередив на долю секунды такую же команду искина.

Всех страшно вдавило в кресла. Гарднер почувствовал на губах кровь. Сосуды носовой полости полопались от скачка перегрузки, и сейчас она горячими ручейками заливала рот, стекая на грудь.

Корабль словно отрикошетило от атмосферы планеты, точно легкую гальку от водной глади. Все произошло так быстро, так внезапно, что никто из людей ничего не понял. На высоте около полутора тысяч километров корабль повис, ничем не поддерживаемый, потому что двигатели были аварийно отключены искином. Завис на мгновение, а затем стремительное неконтролируемое скольжение вниз, градусов под сорок пять к поверхности Паломника. Через равные промежутки времени «Стрекозу» подбрасывало, точно корабль катился по гигантской рифленой стиральной доске.

Искин все-таки выбрал момент и включил маршевые двигатели. «Стрекоза» свечой рванула вверх и, поднявшись километров на сто, стала замедляться.

– Что это было? – первым пришел в себя Владимир.

– Похоже, мы с чем-то столкнулись, – растирая онемевшую челюсть, пробормотал Пьер.

– Мы ни с чем не столкнулись, – уверенно заявил Томсон. – На такой высоте над Паломником не может быть ничего.

– Метеор? – подала голос девушка.

– Нет. Вблизи Паломника почти нет метеорных потоков.

– Почти – это тоже самое, что есть, – упрямо возразила Линда.

– У «Стрекозы» нет внешних повреждений, – повысил голос капитан. Он неотрывно следил за графиками, выводимыми искином на экран. – Внутренние есть, – он на время замолчал. – Незначительные.

– Надо садиться, – поддержал Томсона Владимир – С полomками я разберусь позже.

Находящийся между ними экран моргнул, показывая топографическую модель поверхности, на которую им предстояло сесть.

– Черт возьми! – вдруг вырвалось у Пьера, и он отвернулся. – Я не могу поверить, что с ними что-то случилось.

Томсон повел «Стрекозу» на юг к экватору и, только когда повис над Центральной на высоте полутора тысяч километров, медленно, очень медленно начал опускать корабль. По его приказу никто не выключал круговых амортизаторов.

Связь с Центральной по-прежнему отсутствовала. Пьер Готье обшарил весь диапазон частот, применявшихся для местной связи на Паломнике. Эфир молчал.

Корабль опускался. До поверхности оставалось пятьсот километров, триста, сто... Пятно Центральной было уже заметно невооруженным глазом. Пятьдесят... Двадцать... Десять... Три... Стали видны отдельные детали построек главной базы. Километр... Двести метров... На такой высоте должно быть хорошо видно людей... Чуть заметно вздрогнул корпус шаттла. Из брюха «Стрекозы» выдвинулись амортизаторы, и корабль лег горизонтально.

Космодром был пуст, экипаж «Стрекозы» никто не встречал.

Система: Саваж

Планета: Паломник

Местоположение: Экватор, Центральная База

Местное время: 09–35

– Сели, – глухо сказала Линда. – Что дальше?

Ей никто не ответил. Гарднер прикоснулся к одной из чуть выступающих из подлокотника цветных кнопок. Круговые амортизаторы разошлись в стороны, и кресло мягко опустилось. Стефан встал. В голове у него что-то шумело, сдавливая болью виски. Тошнота подступала к горлу. Неуклюже, на нестибающихся, ватных ногах, ни на кого не оглядываясь, он направился к душевому отсеку. Надо было привести себя в норму.

Гарднер с отвращением стянул с себя комбинезон со следами запекшейся крови и желтых пятен. Бросив пропитанную потом и черт знает чем одежду в утилизатор, он включил напор на максимум. На «Стрекозе» душевые кабины были оснащены устаревшей водяной Системой, что в данный момент его очень порадовало. Новомодные ионно-гигиенические системы, прекрасно уничтожали все болезнетворные микроорганизмы. Одно было плохо – ионное излучение не давало того неповторимого ощущения чистоты, которое ощущаешь после обычного водяного душа.

Он переключил тумблер на холодный режим и устало уперся лбом в стену. Через какое-то время Стефан почувствовал себя лучше. Сильные струи массировали тело со всех сторон, тонизируя нервную систему и заставляя организм настроиться на рабочий лад.

Сквозь пелену воды и матовое стекло, разделяющего душевые кабины Гарднер увидел, что и остальные члены экипажа последовали его примеру.

Когда он, переодевшись в свежий комбинезон, вернулся в рубку управления, то застал всех сидящими за импровизированным столом из двух придвинутых друг к другу тумб.

– Держи! – Владимир протянул ему вскрытую упаковку пищевого концентрата – Надо подкрепиться.

В дверях рубки показалась Линда. Она держала поднос с высокими стаканами, наполненными розовой жидкостью.

– Не знаю, что у меня получилось, ставя поднос на край стола, улыбнулась девушка, – но что-то витаминное.

Стефан догадался, что она успела сходить в кают-компанию, где находился пищевой синтезатор.

– Мы теряем время! – Пьер порывисто поднялся со стула, стряхивая крошки концентрата с груди. – Мне эта гадость в горло не лезет!

– Надо набраться сил, – с давлением в голосе сказал Сэмюель. – Мы были без еды почти двое суток. Неизвестно, когда мы еще поедем.

– Надо идти! – Пьер принялся ходить из угла в угол. – Моя Ева! Она там одна!

Он схватился за голову: – Может, именно сейчас ей нужна помощь!

– Кислятина... – Владимир, сморщившись, допил розовую жидкость и поставил опустевший стакан на стол. – Давайте решать.

– Предлагаю разделить на две группы, – Томсон грузно поднялся из-за стола. – На «Стрекозе» останешься ты, Владимир. Насколько я понял, у нас проблемы с одним из маршевых двигателей? – инженер-кибернетик согласно кивнул. – И... – Томсон посмотрел на Пьера.

– Ни за что! – Пьер отвернулся. – Нет!

– Нам будет нужна постоянная связь, – Томсон старался говорить спокойно. – Между всеми нами и, – он запнулся. – Если заговорят базы. Пьер, – его голос стал почти ласковым, – ты специалист по связи. Не забывай этого.

– Сейчас я мужчина, – огрызнулся Пьер, – у которого в опасности беременная жена.

– Я могу подежурить на пульте связи, – Пол выглядел серьезным.

– Тогда лучше я, – Линда подошла к сидящему за столом парню и положила руку ему на плечо. – Я проходила трехмесячную стажировку на «Посейдоне», в отделе спецсвязи, – она привычным жестом поправила волосы и посмотрела на Владимира. – Пол хороший специалист по кибернетическим устройствам. Он сможет быть вам полезен.

– Это так? – вопросительно посмотрел на парня Кузнецов.

– Да, у меня сертификат В-2.

– О, как! – на лице Владимира промелькнуло удивление. – Да ты у нас начинающий гений?

Пол смущенно пожал плечами:

– Йельский университет, кафедра механоэмбриологии.

– Отлично! – подытожил Томсон. – Тогда на Центральную идут Пьер Готье, Джон Маккейн, Джеймс Донован, Стефан Гарднер, – он по очереди кивал им, называя имена. – И я, Сэмюэль Томсон. Все успели ознакомиться с планом Базы? – дождавшись утвердительных кивков, продолжил: – Тем не менее, держитесь рядом со мной и Пьером, мы здесь почти три года, каждую травинку знаем, – он задумался. – Всем надеть браслеты связи. Владимир сейчас прилетит. Ну... – капитан развел руками, – вроде все. Действовать будем по обстоятельствам.

– Оружие на «Стрекозе» есть? – спокойно спросил Джон.

– Оружие? – Томсон удивленно взглянул на Маккейна, – импульсники должны быть, – до него вдруг дошел смысл вопроса – Нет, нет, нет! С кем вы тут воевать удумали?

Маккейн флегматично пожал плечами и отвернулся.

– Может, он и прав, Сэм? – Пьер нетерпеливо переминался с ноги на ногу. – Кто-нибудь знает, что здесь произошло?

– Этого я не знаю, – Сэмюэль насутился. – Но у нас здесь не войсковая операция. Выходим вместе. Ничего без общего согласования не предпринимать и не делать глупостей, – он посмотрел на Владимира. – Подъемник заблокируй и активируй «Стража». Мы не знаем, что здесь произошло, и поэтому должны быть осторожны.

* * *

Первым прыгнул на плиты космодрома Пьер и бегом кинулся вперед. В двух километрах от «Стрекозы» виднелся купол Центральной станции с вычурными пристройками, пандусами, стеклянными переходами, вышками связи и прямоугольными башнями. Все это переливалось разноцветными красками, отражая радужные блики во все стороны и отчетливо выделяясь на фоне голубого чистого неба. От купола Центральной тянулись в ряд и уходили вдаль кубические конструкции, непонятного Стефану предназначения. Еще дальше, у самого горизонта, угадывались силуэты огромных цилиндров накопителей энергии. Где-то там, между ними, и находилась инопланетная пирамида, когда-то давно возведенная таинственными строителями.

Справа от Центральной громоздились склады, ангары, технические помещения. Чуть в стороне от них белели двухэтажные коттеджи. Ярко-зеленые пятна парков были раскиданы направо и налево, а дальше – черная издали полоса свампа Паломника, растянувшаяся по всему горизонту.

«Внешне здесь ничего не изменилось». – думал Томсон, широко шагая и еле сдерживая себя, чтобы не последовать примеру Пьера. – «Главное – сохранять хладнокровие» – в который уже раз напомнил он себе, старательно загоня паническую тревогу об Аннете в дальний уголок сознания. «Лучше бы сейчас тут бушевал ураган, – подумалось ему, – а как назло, стоит идеальная погода. Словно планета, намеренно пытается усыпить бдительность, заманивая в расставленную западню».

Его нагнал Гарднер:

– Нужна рабочая гипотеза, – сказал он, тяжело дыша.

– Знаю... У Пьера совсем сдали нервы.

– Может быть, возвратились строители пирамид?

– Именно сейчас? – Сэмюель неопределенно хмыкнул. – Ни столетием позже, ни столетием раньше? Впрочем, возможно и это, – не сбавляя шаг, пожал плечами Томсон. – Только вот что тогда делать?

Он помнил, как обычно к «Стрекозе» вереницами подходили вездеходы, до отказа набитые хохочущими и орущими физиками, технарями, ксенологами, кибернетиками и биологами. Так было заведено с самого начала – возвращение грузового корабля всегда было праздником для всех. А тут мертвая тишина. Никаких признаков присутствия людей. Несмотря на жаркое утро, его пробил озноб.

Пара вездеходов и сейчас стояла около Центральной, а третий с раскрытыми люками находился на полпути от корабля до станции. Пьер пробежал мимо него. Томсон задержался, ловко, в один прыжок вскарабкался на башню и прыгнул внутрь вездехода. Включил освещение. Засветилась приборная доска. Сэмюель мельком, очень быстро, осмотрел приборы и ручки управления. Все было в порядке. Запасы энергии максимальные. Заглянул в жилой отсек, там никого не было. Пахло горячим пластиком и искусственной кожей.

– Интересно, зачем им понадобились вездеходы? – крикнул ему Стефан, заглядывая в люк. – Они собирались куда-то ехать?

– Непонятно, куда они могли ехать на них. Скорость маленькая. До других баз на них не доберешься... Для этого есть глайдеры или, на худой конец, винтолеты.

Маккейн и Донован тоже вскарабкались вслед за ними на башню вездехода. Астробиолог выглядел растерянно и даже испугано. Гарднер хорошо понимал его. Он наверно и сам со стороны смотрелся не лучше. Томсон нажал стартер, мотор взревел, и машина рванулась вперед.

– Давай руку! – крикнул Маккейн, когда они нагнали Пьера. Он крепко подхватил Готье за запястье и одним рывком закинул связиста в кабину.

* * *

Входные двери Центральной оказались распахнуты настежь. По широкой лестнице, ведущей к темнеющему входу, гулял ветер, поднимая и перекатывая мелкий мусор, ошметки упаковочных пакетов, сухие листья. Вокруг царило запустение.

Под ногами у Гарднера что-то хрустнуло. Он взглянул вниз – пожухлая трава была усеяна осколками стекла. Чуть дальше валялись останки неизвестного ему прибора. Будто кто-то впопыхах уронил его, но не поднял, а побежал дальше.

Пьер одним движением взлетел на гранитные ступени.

Пьер кивнул, как бы говоря: «Понимаю, вижу».

– Ты куда?

– К биологам. Посмотрю, что в секторе Евы! – крикнул Пьер, останавливаясь перед распахнутыми дверьми.

Глаза Томсону слепил выползающий из-за горизонта Саваж. Очертания темнеющего входа в Центральную, показались ему зевом огромного хищника. Он крикнул:

– Подожди нас!

– Я быстро! – махнул рукой Пьер и скрылся в темноте.

Оставшиеся сгрудились вокруг Томсона.

– Что дальше? – спросил Гарднер.

– Думаю, будет правильнее, если мы разделимся, – Томсон посмотрел на стоявших в ожидании приказа мужчин. – Мы с Гарднером поднимемся в Центральный пункт управления. Посмотрим там, что к чему. А вы, вдвоем, езжайте в коттеджный поселок. Возможно, там кто-то остался... – Гарднеру почему-то показалось, что капитан сейчас скажет «в живых», но вместо этого тот постучал по своему браслету: – Связь через каждые двадцать минут, ок?

* * *

Проводив взглядами удаляющийся вездеход, Томсон с Гарднером переглянулись и вошли в полумрак Центральной. Электричества не было. Тускло помигивая, работало аварийное освещение. Они некоторое время постояли, давая глазам адаптироваться к царившему здесь полумраку после яркого солнца Паломника. Томсон махнул рукой, призывая Гарднера следовать за ним.

Шаги гулко разносились по просторному вестибюлю. Скорее инстинктивно, чем обдуманно, люди старались ступать осторожно, не создавая дополнительного шума. Стефану почему-то подумалось, что когда-то, может быть сто тысяч лет назад, их предки вот так же крались по незнакомому лесу, боясь угодить в лапы притаившимся в темноте хищникам. Он даже мотнул головой, отгоняя наваждение. «Никакой опасности тут нет и быть не может. Центральная проектировалась инженерами для комфортного проживания и работы людей. База накрыта непроницаемым для местной фауны куполом защитного поля. Все в порядке, Стеф»-успокаивающе говорил себе Гарднер, однако, при этом его глаза цепко осматривали окружающее пространство, а внутренний голос предательски шептал: «А где же тогда все люди? Где все эти триста пятьдесят колонистов, а Стеф?».

Вскоре они вышли к лифтовой шахте. Прозрачные колбы подъемников скрывались где-то в темнеющей вышине. Одна кабина стояла на первом этаже. Томсон приложил ладонь к сенсорной панели. Безрезультатно. Он потыкал пальцами еще несколько раз, потом сказал нарочито громким голосом:

– За углом есть эскалаторы, но думаю, что они тоже... Придется, видно, подниматься пешком.

Потом он вызвал «Стрекозу».

– Линда на связи! – почти сразу же раздался девичий голос. У Гарднера потеплело на сердце. Он уже почти уверился, что на этой чертовой планете остались только они с Сэмюелем.

– Это Томсон.

– Да, капитан? – девушка, похоже, тоже обрадовалась.

– Владимир далеко?

– Они с Полом в инженерном отсеке. Что-то серьезное с маршевым двигателем, как я поняла. Сейчас они перепрограммируют ремонтных киберов, – Линда явно хотела спросить, что там у них, но сдержалась. – Вас соединить с Кузнецовым?

– Нет, не отвлекай его. Мы в Центральной. Энергоснабжение отключено. Работают только аварийные генераторы. Попробуем выяснить причину, – Томсон на секунду замялся, потом закончил: – Людей нет.

– Поняла вас, – голос девушки был ровным. – Продолжаю сканирование эфира на всех частотах. Пока безрезультатно.

– Ок, Линда, контрольный выход на связь через двадцать минут, отбой.

– Отбой, – повторила девушка и отключилась.

* * *

Маккейн остановил вездеход метров за сто, не доехав до оборудованной парковки. Он несколько раз выжал акселератор, наполнив ревом двигателя всю округу. Видимо, от неожиданности, Донован втянул голову в плечи, приложил ладони к ушам, защищая их от шума. Маккейн развернул машину на сто восемьдесят градусов, задней кормой к коттеджам, а носовой частью в сторону поблескивающего купола Центральной. Он ободряюще подмигнул Доновану:

– Думаю, теперь наш приезд не останется не замеченным?

Маккейн вручную открыл боковой люк и ловко выпрыгнул наружу, не потрудившись заглушить двигатель. Цепляясь за всё, что могло дать опору рукам, Донован кое-как выбрался из вездехода.

Они проследовали через мраморный вестибюль, больше напоминающий древнегреческую колоннаду, обогнули не действующий фонтан и вышли к большому бассейну. К коттеджам можно было пройти напрямик, перейдя по ажурному подвесному мостику. Немного поколебавшись, Маккейн свернул на тенистую аллею, которая вела к домам в обход бассейна.

Донован задержался. Он обошел два шезлонга, на которых лежали оставленные кем-то помятые полотенца, и подошел к краю бассейна. Встал на колени и зачерпнул ладонью пригоршню теплой воды. Бассейн высыхал. Это было заметно по темной полосе, шедшей по его периметру. Как и в фонтане, очистительные насосы, которые должны рециркулировать свежую воду, не работали. Донован поднялся, отряхнув колени, пошел догонять напарника.

Диск Саважа наконец оторвался от горизонта, и только сейчас Маккейн заметил, как здесь было жарко. Знакомая земная трава мягко шелестела под ногами, ветви деревьев цеплялись за лицо и одежду. Их прикосновение было удивительно нежным и приятным. Он не удержался и сорвал зеленый листок. Растер его между пальцами, понюхал. Это было настоящее растение, не те искусственные псевдопосадки, которые обычно высаживают на планетарных базах этого типа. «Хорошо они тут обустроились» – отметил для себя Джон.

Человек, как только стал разумным, сразу же начал перестраивать природу под себя, для своих нужд и комфорта. Так было на Земле. Теперь человек вышел в Космос, достиг звезд и продолжил делать все то же самое, но уже на других планетах, не принадлежащих ему по праву рождения. «Терраформирование» – Маккейн хмыкнул, и в этот момент до его слуха донесся тихий плач. Это было настолько дико, неожиданно и невозможно, что он не сразу понял, кто это плачет: женщина или ребенок. Джон замер, где стоял, и весь превратился в слух. Звук раздавался со второго этажа ближайшего от него коттеджа. Иногда плач прерывался всхлипыванием и невнятным бормотанием, потом снова раздавалось приглушенное рыдание. Маккейн мог дать голову на отсечение, что некто сейчас лежит на кровати и рыдает в подушку.

Увидев появившегося из-за угла коттеджа Донована, Джон прижал палец к губам и глазами показал наверх. Джеймс замер на мгновение, понимающе кивнул и бесшумно скользнул вдоль стены к входной арке. За ней располагалась двухпролетная лестница, ведущая к входной группе. Маккейн также бесшумно последовал за ним.

Рядом с входной дверью висел экран видеофона. Они постояли, прислушиваясь, но отсюда ничего не было слышно. Джон осторожно тронул ручку, дверь оказалась заперта. Мужчины переглянулись, и Донован нажал на кнопку вызова.

* * *

Томсон и Гарднер стояли перед массивной дверью, стараясь выровнять дыхание, сбитое долгим подъемом.

Главный пункт управления находился практически на самом верхнем контуре Центральной. При работающих лифтах это никому не создавало ровным счетом никаких неудобств. Двадцать секунд, и ты на месте. У них же подъем занял не меньше двадцати минут.

– Что будем делать? – кивнул на закрытую дверь Гарднер. – Взломаем?

– Боюсь, это будет не так просто, – Томсон постучал костяшками пальцев по матовой поверхности. – Это углекерамит, рассеивает даже лазерный луч. Нам потребуется управляемый ядерный взрыв, чтобы проникнуть внутрь.

– О, как! – присвистнул Стефан, опускаясь по стенке на пол.

– Я видел запасной ключ в административном секторе, – Томсон почему-то вздохнул. – У Аннеты.

– У Аннеты? – больше для вежливости переспросил его Стефан.

– Да, Аннета Кравиц, помощница начальника экспедиции Конрада Лоренца.

Он опять замолк, потом все-таки сказал: – Моя подруга, – Томсон секунду жевал нижнюю губу. – Мы собирались в этом году пожениться.

Капитан отвернулся. Стефану стало неловко.

– Людей нет. Прорыва со стороны местных форм жизни не замечено. Никаких следов катастрофы, – сказал он, лишь бы только не молчать. – Почему могли уйти люди?

– Люди могли улететь на базы, как часто бывает. Но здесь все равно кто-нибудь должен был остаться. Человек пять-десять. А к возвращению «Стрекозы» здесь яблоку негде упасть. Застолье, посиделки и все такое, – Томсон прокашлялся, как будто у него запершило в горле, и Стефан вдруг понял, что спокойствие капитана, это лишь маска. В душе, он переживал не меньше других. Триста пятьдесят человек на всю планету, это совсем немного. Наверняка, тут каждый знал друг друга лично.

– Они все собираются здесь, – Сэмюэль замолчал, словно задумавшись. – На базах защита от свампа значительно слабее. Но чтобы все двадцать сразу?.. Что бы там ни было, а проникнуть в пульт управления нам надо обязательно. Там кто-то дежурит постоянно. Там должен быть дневник, записи экспедиции. Мы хоть что-нибудь узнаем.

Они немного помолчали, потом Томсон сказал:

– Ты посиди здесь, отдохни. Я сбегаю в административный сектор, – и, видимо, чтобы пресечь возражения Стефана, быстро добавил: – Это недалеко, прямо под нами, два перехода по эскалаторам, – он помчался вниз, перепрыгивая через три ступеньки.

Когда громкий стук ботинок Томсона затих за поворотом, Гарднер заставил себя встать. Он решил не терять времени и осмотреться, прокручивая в памяти голографическую схему Центральной. Похлопав ладонью по холодной углеродной двери, Стефан медленно двинулся вдоль кольцевого коридора. С одной стороны возвышалась стена помещения ГПУ, или, как его еще называли, главного пульта управления. Другая сторона – купол Центральной станции – была прозрачной, как и потолок коридора. Поэтому здесь, в отличие от нижних ярусов, было светло.

Коридор оказался небольшим, метров сто в диаметре. Стефан несколько раз обошел его, собираясь с мыслями. Он снова остановился у двери и прислушался. Тишина. И за дверью, и в коридоре, стояла гробовая тишина. Стефан отругал себя, что не догадался засечь время. Сейчас ему казалось, что Томсон задерживался слишком долго. Сколько прошло уже времени? Десять минут? Двадцать? Или уже полчаса? Это насторожило Гарднера. Что еще могло случиться? Наконец, он не вытерпел и, стараясь не сорваться на бег, пустился по эскалатору вниз.

– Сэм! Сэм!

Никто не ответил. Гарднер пробежал по коридору третьего кольца несколько десятков метров и снова крикнул. И снова ему никто не ответил. Гарднер бросился к подземному переходу во второе кольцо, где были хозяйственные помещения. Он понимал, что может заблудиться в этом лабиринте коридоров, переходов и эскалаторов, но и стоять на месте тоже не мог.

Остановившись у очередной развилки, Стефан задумался. Вправо и влево от него расходился полукругом еще один темный коридор. Аварийное освещение слабо мерцало под потолком, почти не давая света. Спасали только огоньки напольной подсветки, автоматически включающиеся цепочки по мере приближения к ним.

Стефан повернул налево и неторопливо пошел по пружинящему под ногами покрытию.

Вдруг, впереди мелькнула человеческая фигура.

– Сэм! – громко позвал он. Человеческая фигура, не сбавляя шага, скрылась за поворотом.

– Сэм! Черт тебя побери! – Стефан рванул за ним. Справа и слева от него по кольцевому коридору располагались двери в какие-то помещения. Некоторые были закрыты, другие оставались открытыми. На каждой висели таблички, но в полумраке, что на них написано, было не разобрать.

Человек шел не спеша, такой спокойной неторопливой походкой, и Гарднер, бегущий что есть силы, должен был давно его нагнать. Однако, как только Стефан ни старался, ему еле удавалось удерживать в поле зрения ускользающий за изгибом коридора силуэт незнакомца. «Может это не Томсон, а Готье наконец решил подняться за нами к Центральному пульту?»

– Пьер! – срывающимся от бега голосом, заорал Гарднер. – Постой, Пьер!

Цепочка огней бежала вместе с ним, немного опережая его. «Хорошо, что работает автоматика – мелькнула в голове мысль, – иначе бы я уже свернул себе шею. Внезапно его прошиб холодный пот, и он резко остановился.

Силуэт впереди двигался в полнейшей темноте. Датчики на него не реагировали. Чтобы это ни было, но только не человек.

* * *

Сбежав по эскалатору, Сэмюэль замедлил шаг. Оставшись один, он, как ни странно, испытал облегчение. Тяжесть ответственности, так неожиданно-негаданно навалившаяся на него, измотала куда сильнее, чем тридцатишестичасовая перегрузка. «Что здесь, черт побери, произошло?!» – Он был готов, как ему казалось, ко всему – к погибшим товарищам, к экстренной эвакуации раненых, к борьбе с разбушевавшейся стихией, к нашествию долбанных ползунов и перевертышей, в конце концов!

Он отер пот, крупными каплями выступивший на лице.

– Анни, девочка моя, я здесь, я пришел, – Томсон, сам того не замечая, шептал слова вслух, – где же ты? Отзовись. Я вытащу тебя отсюда!

Где-то внизу хлопнула дверь, и до него донеслись отдаленные голоса. Сердце подскочило к горлу и замерло на мгновение, словно тоже прислушиваясь. «Пьер? Или журналист не дождался его и спустился в лабораторию к Готье? Но как они могли разминуться?».

Внизу послышался отчетливый женский смех. Томсон вздрогнул, его сердце понеслось в бешеном ритме. Этот смех он узнал бы из миллиона. «Аннет! Ну, конечно!». Смех так же неожиданно затих, как секундой раньше появился. Но Томсона это уже не волновало. Он знал Центральную, как свои пять пальцев. Нижний ярус, откуда только что доносились голоса, как раз и занимал административный отдел, которым заведовала Аннета Кравец.

Томсон перемахнул через парапет и сломя голову бросился по ступеням эскалатора. Вот он холл. Вестибюль. Раздвижные стеклянные двери были распахнуты настежь. Томсон ворвался в просторный кабинет и разом остановился, с ужасом оглядывая открывшийся ему погром.

Столы были повалены, стулья перевернуты, повсюду валялись разбитые мониторы и офисные принадлежности, а сорванный с креплений голографический коммуникатор, безвольно повисший на проводах, довершал эту сюрреалистическую вакханалию. Но самое дикое, от чего у него волосы встали дыбом, в воздухе витал легкий флер любимых духов Аннет. Казалось, что девушка только секунду назад вышла из комнаты.

Томсон затравлено огляделся. Полумрак кабинета скрывал от глаз некоторые детали. Но, может, это было и к лучшему. Дикий погром, учинённый кем-то в административном секторе, не укладывался в голове.

Тут взгляд непроизвольно остановился на стеклянной двери. Еще не до конца веря в увиденное, Томсон на ватных ногах приблизился к ней. В правой створке, примерно на уровне его груди зияло аккуратное, оплавленное по краям, отверстие. Он не нашел ничего лучшего, как просунуть в дырку палец. Края были ровными и гладкими. Прodelать такую дыру в прозрачном пластике мог только штурмовой плазмовик.

Томсон вышел в коридор и подошел к противоположной стене. Здесь дыра была повнушительнее, величиной с кулак. Пластик вскипел и обуглился, не выдержав кратковременного воздействия сверхвысокой температуры. Сомнений не было, такой след могла оставить только армейская плазменная винтовка, в просторечье «Игла».

В этот момент у него на запястье запиликал браслет-коммуникатор. Томсон от неожиданности вздрогнул. Он как-то уж слишком резко поднес экран к лицу.

Это был астробиолог:

– В нас только что стреляли.

– Кто?! Где?! – Томсон почти кричал.

– Первая линия, – голос Донована, к удивлению был спокоен, – шестой коттедж. Предположительно, стрелок-женщина.

– Это дом Аннет! – чуть не схватился за голову Томсон. – Ничего не предпринимать, скоро буду!

* * *

Вызов Донована застал Гарднера врасплох. Он как раз спускался по неподвижному эскалатору, когда запиликал вызов. Что-то произошло в коттеджном городке. Но после его «догонялок» с призраком, Гарднер уже ничему не удивлялся. Он только обругал себя последними словами, что напрочь забыл о браслете связи. Вместо того, чтобы просто вызвать Томсона и спросить куда тот подевался, он поперся искать его по темным коридорам в незнакомой громаде Центральной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.